

Эти бурные чувства

Автор:

[Хлоя Гонг](#)

Эти бурные чувства

Хлоя Гонг

Young Adult. Опиумные войны Хлои Гонг

«Эти бурные чувства» – потрясающее фэнтези, которое переносит знаменитую историю Ромео и Джульетты в Шанхай 20-х годов. Тайны, запретная любовь и искусно прописанная атмосфера Шанхая того времени.

Бестселлер The New York Times.

Лучшая Young Adult книга 2020 года по версии BuzzFeed.

Книга месяца – выбор Amazon.

1926 год. В Шанхае царит беззаконие. Город охвачен многолетней войной между двумя группировками: Алой бандой и Белыми цветами.

Восемнадцатилетняя Джульетта Цай возвращается из Америки, чтобы стать предводительницей Алых. Джульетте противостоит Рома Монтеков, лидер Белых цветов и... ее первая любовь.

Каждая из двух банд считает своим долгом уничтожить противника, но внезапно распространившаяся по городу таинственная болезнь меняет все планы. Теперь злейшие враги Рома и Джульетта должны объединить свои силы и остановить смертельную угрозу, которая нависла над Шанхаем.

Для фанатов «Злой лисицы» Кэт Чо, «Змея и голубки» Шелби Махёрин и «Алой зимы» Аннетт Мари.

«Потрясающее, восхитительное, увлекательное чтение!» – Джун Хёр, автор романа «Молчание костей»

Хлоя Гонг – студентка Университета Пенсильвании, изучающая английский язык, английскую литературу и международные отношения. Во время каникул она либо уезжает в свою родную Новую Зеландию, либо навещает многочисленных родственников, живущих в Шанхае. Хлоя считает, что «Ромео и Джульетта» – одна из лучших пьес Шекспира. «Эти бурные чувства» – ее дебютная книга, моментально ставшая бестселлером The New York Times.

Хлоя Гонг

Эти бурные чувства

Тебе, дорогой читатель

У бурных чувств неистовый конец,
Он совпадает с мнимой их победой.
Разрывом слиты порох и огонь.

Уильям Шекспир. «Ромео и Джульетта»[1 - Перевод Б. Пастернака.]

Chloe Gong

THESE VIOLENT DELIGHTS

Text © 2020 by Chloe Gong

Jacket illustration © 2020 by Billelis

© Е. Татищева, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

В сверкающем огнями Шанхае просыпается чудовище.

Его глаза открываются во чреве реки Хуанпу, челюсти размыкаются, чтобы ощутить вкус зловонной крови, стекающей в речные воды. По современным улицам древнего города ползут красные линии, образуя на булыжной мостовой сетки, похожие на переплетение сосудов, и по этим жилам жизненная сила большого города капля за каплей утекает в пасть страшного существа.

Ночь становится все темнее, и чудовище поднимается на поверхность, наконец показываясь из волн с грацией давно забытого божества. Когда оно поднимает голову, на небосводе видна лишь низко висящая полная луна.

Оно делает вдох. Оно подбирается ближе.

Его первый выдох превращается в порыв холодного ветра, со свистом проносящийся по улицам и хватающий за лодыжки тех незадачливых прохожих, которым случилось брести домой в этот глухой час. Город пульсирует в ритме распутства. Он средоточие грязи и греха, он зацелован пороками, кажется, небо вот-вот обрушится и погребет под собой всех тех, кто живет здесь, чтобы покарать их за разгульную жизнь.

Но кара не приходит – пока. Нынешнее десятилетие отличается свободой нравов и слабой моралью. В то время как на Западе продолжается нескончаемая вечеринка, а остальная часть Поднебесной раздроблена, поделена между стареющими военачальниками и оставшимися чиновниками империи, Шанхай живет в своем собственном мирке: Париж Востока, Нью-Йорк Запада.

Несмотря на отраву, текущую из каждого здешнего переуллка, кончающегося тупиком, этот город такой живой. И чудовище тоже будто рождается заново.

Не ведая об этом, жители этого противоречивого города продолжают жить дальше. Двое мужчин вываливаются из открытых дверей своего любимого борделя, громко смеясь. Шумная атмосфера разнузданности публичного дома, из которого они вышли, внезапно сменяется тишиной этого позднего часа, и их уши с трудом приспосабливаются к ней.

Один мужчина низкорослый и толстый, кажется, стоит ему лечь на землю, и он покатится по тротуару, как мячик; второй же высок, нескладен и угловат. Обнимая друг друга за плечи, они, спотыкаясь, бредут в сторону реки, впадающей в море, туда, куда каждый день прибывают торговые суда с товарами.

Эти двое знакомы со здешними причалами, ведь когда они не болтаются по джаз-клубам и не распивают вино, только привезенное из какой-нибудь заморской страны, они работают на Алую банду: исполняют поручения, охраняют коммерсантов, перевозят товар. Они знают эту улицу как свои пять пальцев, хотя сейчас здесь не слышно обычных для здешних мест криков и разговоров на десятках языков одновременно.

В этот ночной час тут слышны только приглушенная музыка из местных баров да хлопки танцующих на ветру вывесок магазинов. Кроме того, невдалеке пятеро из Белых цветов увлеченно беседуют на русском. Двое Алых сами виноваты, что раньше не услышали их громкого разговора, но их мозги затуманены алкоголем, а чувства приятно притуплены. К тому времени, когда двое мужчин замечают своих врагов из Белых цветов, стоящих на одном из причалов – с бутылкой, которую они передают из рук в руки, оглушительно смеющихся, толкающихся, – ни те ни другие уже не могут ретироваться, не потеряв лицо. Белые цветы выпрямляются и склоняют головы навстречу ветру.

– Нам надо продолжать идти, – шепчет своему спутнику низенький Алый. – Ты же знаешь, что сказал господин Цай насчет еще одной разборки с Белыми цветами.

В ответ нескладный втягивает и прикусывает обе щеки, отчего становится похож на самодовольного пьяного упыря.

– Он сказал, что нам не следует ничего начинать, но никогда не говорил, что мы не можем ответить.

Двое Алых говорят на диалекте своего города, но звуки кажутся спрессованными и будто накладываются один на другой. Даже когда они повышают голос, зная, что находятся на своей территории, в их разговоре звучит легкая неуверенность, ведь теперь Белый цветок, не знающий местного языка, это редкость – иногда их выговор не отличишь от выговора уроженца Шанхая. Предположение оказывается верным – один из Белых цветов с ухмылкой рычит:

– Вы что, желаете затеять разборку?

Более высокий Алый издает низкий утробный звук и плюет в сторону Белых цветов. Плевков приземляется возле башмака того, что стоит ближе.

В мгновение ока все выхватывают пистолеты, рука бойцов тверда, они готовы нажать на спусковой крючок и стрелять, стрелять без разбору. Подобные сцены здесь никого не удивляют; в шальном Шанхае такие стычки привычнее, чем дым опиума, поднимающийся из курительной трубки.

– Эй! Эй!

Напряженную тишину разрывает звук свистка. Подбежавший полицейский явно раздражен картиной, представшей его глазам. За последнюю неделю он видел такие сцены уже три раза. Он рассовывал членов враждующих банд по тюремным камерам и вызывал труповозку, когда они начинали друг друга пулями. Устав после трудового дня, он желает только одного – вернуться домой, попарить ноги и съесть остывший ужин, который его жена оставила на столе. У него руки чешутся отходить этих забияк дубинкой, вбить в их головы хоть каплю здравого смысла, напомнить им, что между ними нет личных обид. На разборки их толкает только их безоглядная и бессмысленная преданность клану Цаев и клану Монтековых, которая их убьет.

– Не желаете ли разойтись по домам? – спрашивает полицейский. – Или же вы предпочитаете пойти со мной и...

Внезапно он умолкает.

Из реки поднимается рык.

От этого звука исходит угроза, реальность которой невозможно отрицать. Это ничуть не похоже на ту паранойю, которую начинаешь испытывать, если вдруг очутился на безлюдном перекрестке и тебе кажется, будто за тобой кто-то идет; не похоже это и на панику, вызванную скрипом половицы в пустом доме. Эта угроза осязаема – от нее сам воздух будто напивается влагой, и на грудь ложится груз. Она очевидна, как пистолет, нацеленный тебе в лицо, но вместе с тем за ней следует момент бездействия, момент замешательства. Дрогнув первым, низенький и толстый Алый быстро переводит взгляд на край тротуара, пригибает голову и щурится, вглядываясь в темную воду, которую колышет небольшая зыбь.

Его спутник истошно вопит и сбивает его с ног сильным ударом локтя, который, благодаря его низкому росту, приходится ему прямо в висок, когда из воды вдруг вырывается нечто.

Маленькие черные мушки.

Коротышка падает, с силой ударяется о землю, и мир обрушивается на него в виде мелких частиц – каких-то странных штук, которые он даже толком не видит, поскольку перед глазами у него все кружится, а к горлу подступает тошнота. Он только чувствует что-то вроде булавочных уколов, осыпающих его руки, ноги, шею; он слышит, как кричит его товарищ, как на русском орут что-то Белые цветы, затем полицейский вопит по-английски:

– Уберите его! Уберите их!

В ушах лежащего на земле Алого оглушительно стучит кровь. Его лоб прижат к доскам тротуара, он не хочет видеть то, что вызывает эти жуткие вопли, и все его существо заполняет грохочущий пульс. Только когда на его ногу шлепается что-то толстое и мокрое, он в ужасе вскакивает, дергает ногой так отчаянно, что с нее слетает башмак, и пускается бежать, даже не подумав подобрать его.

Он бежит без оглядки, счищая с себя осыпавшие его ошметки, икая в отчаянном стремлении дышать, дышать, дышать.

Он не пытается посмотреть назад, чтобы выяснить, что же таилось в водах реки. Он не пытается посмотреть назад, чтобы узнать, нужна ли его товарищу помощь, и, конечно же, не пытается посмотреть назад, чтобы понять, что за вязкая, липкая штука приземлилась на его ногу. Он просто бежит и бежит мимо неоновых вывесок кинотеатров, в которых гаснут последние огни, мимо дверей борделей, из-под которых доносятся неясные звуки, мимо сновидений торговцев, спящих на кучах денег, спрятанных под их матрасами.

К тому времени когда на причале остались только трупы с рваными ранами на месте шей, глядящие в небо остекленевшими глазами, в которых отражалась луна, его уже и след простыл.

Глава один

СЕНТЯБРЬ 1926 ГОДА

Здесь, в сердце владений Алой банды, самым притягательным местом было кабаре.

Листы календаря переворачивались, подбираясь все ближе к концу сезона, и страницы с датами отрывались и улетали прочь быстрее, чем жухнувшие осенние листья, которые ветер срывает с ветвей. Время и спешило, и медлило, дни становились короткими и вместе с тем тянулись слишком долго. Рабочие вечно куда-то торопились, и было неважно, есть им куда идти или нет. Где-то вдалеке вечно слышался звук свистка, вечно пыхтели трамваи, тяжело ползущие по истертым рельсам, утопленным в мостовые, вечно висел над городом смрад недовольства и впитывался в постиранное белье, колышущееся на ветру, словно матерчатые вывески магазинов, натянутые под окнами тесных квартир.

И сегодняшней день не был исключением.

Пришло время праздника Середины осени, который по западному календарю пришелся в этом году на двадцать второе сентября. Когда-то в этот день, согласно традиции, все зажигали бумажные фонарики и почитали то, чему поклонялись их предки, рассказывая печальные истории прошлого и собирая в

ладони лунный свет. Но наступил новый век – и этот век считал, что он выше всех тех, кто приходил в мир до него. На чьей бы территории они ни находились, жители Шанхая с самого рассвета хлопотали и готовились к празднованию, и сейчас, когда девять часов отмечали девятью ударами колоколов, торжества только начинались.

Джульетта Цай обводила взглядом кабаре, чтобы сразу увидеть первые признаки беспорядка, если что-то пойдет не так. Хотя с потолка здесь свисало множество мерцающих люстр, в зале царил дымный сумрак, а воздух казался влажным. К тому же на Джульетту время от времени волнами накатывали волны странного запаха, будто что-то отсырело, однако скверно выполненный ремонт, похоже, не портил настроение тем, кто сидел за круглыми столами в зале. Вряд ли посетители заметят небольшую протечку в углу, когда они так увлечены. Парочки шепчутся, раскладывая карты таро, мужчины трясут друг друга за плечи, женщины ахают и взвизгивают, подаваясь вперед, чтобы услышать таинственную историю, рассказанную в неверном свете газовых ламп.

– У тебя озабоченный вид.

Джульетта не стала оборачиваться, чтобы посмотреть, кому принадлежит голос. В этом не было нужды. Немногие здесь могли заговорить с ней по-английски, особенно если к этому английскому прилагается китайский выговор и приобретенный французский акцент.

– Так оно и есть. Я постоянно озабочена. – Только теперь она повернула голову и улыбнулась, с прищуром посмотрев на свою кузину. – Разве следующей на сцену выходишь не ты?

Розалинда Лан пожала плечами и сложила руки на груди, так что нефритовые браслеты на ее тонких смуглых запястьях звякнули, ударившись друг о друга.

– Без меня представление не начнут, – фыркнула она, – так что я не беспокоюсь.

Джульетта еще раз оглядела зал – на сей раз с определенной целью – и обнаружила Кэтлин, двойняшку Розалинды, возле столика, стоящего в глубине зала. Вторая кузина Джульетты стоически держала уставленный тарелками поднос, глядя на английского коммерсанта, который, бурно жестикулируя, пытался заказать выпивку. У Розалинды был контракт, согласно которому она

должна была танцевать на сцене кабаре, а Кэтлин, когда ей становилось скучно, обслуживала столы и получала небольшую плату за то, что таким образом боролась со скукой.

Вздыхнув, Джульетта достала серебряную зажигалку, чтобы чем-то занять руки, и принялась зажигать и гасить пламя в такт музыке, играющей в зале. Затем она поднесла огонек к носу Розалинды.

– Хочешь закурить?

В ответ Розалинда извлекла из складок своего одеяния сигарету.

– Ты же не куришь, – сказала она, когда Джульетта опустила зажигалку. – Зачем ты таскаешь с собой эту штуку?

– Ну, ты же меня знаешь, – без тени улыбки ответила Джульетта. – Я тусуюсь. Живу своей жизнью. Устраиваю поджоги.

Розалинда сделала первую затяжку и картинно закатила глаза.

– Точно.

Еще более непостижимой тайной было то, где Джульетта хранила эту зажигалку. Большинство девушек в кабаре – как посетительниц, так и танцовщиц – были одеты так же, как Розалинда: в стильное ципао, мода на которые распространилась по Шанхаю с молниеносной быстротой. Провокационный разрез от лодыжки до бедра, воротник-стойка – фасон этого платья сочетал в себе западную эпатажность и восточный стиль, ведь в городе, поделенном на отдельные миры, женщины являли собой ходячие метафоры. Но Джульетта – Джульетта была иной, кардинально иной, при каждом ее движении слышались шелест и звяканье мелких бусинок, которые украшали ее лишенное карманов платье-чарльстон. Она выделялась из толпы, в этом не могло быть сомнений. Она была яркой, сияющей звездой, лицом Алой банды, символом ее жизненной силы.

Обе они, и Джульетта, и Розалинда, молча переключили свое внимание на сцену, где женщина с чувством пела песню на языке, которого не знала ни одна из них.

Голос у певицы был красивый, ее платье переливалось, оттеняя темную кожу, но такого рода пение не было фишкой этого кабаре, а потому никто, кроме двух девушек, не слушал ее.

– Ты не говорила мне, что сегодня вечером будешь здесь, – помолчав, сказала Розалинда, быстро выпустив изо рта струю дыма. В голосе ее звучала обида, словно она не ожидала такого от своей кузины. Джульетта, которая вернулась на прошлой неделе, была не совсем той Джульеттой, с которой Розалинда попрощалась четыре года назад, но изменилась не только она, Розалинда тоже стала другой. Не успела Джульетта войти в дом, как услышала дифирамбы красноречию Розалинды и ее непринужденному аристократизму. После четырехлетней отлучки воспоминания Джульетты о людях, которых она оставила в Шанхае, не совпадали с тем, какими они стали. За это время город переменился, и все в нем продолжали двигаться вперед без нее – особенно Розалинда.

– Это решилось в самый последний момент.

В глубине зала английский коммерсант пытался объясниться с Кэтлин уже не с помощью жестов, а с помощью пантомимы. Джульетта дернула подбородком, показывая на сцену.

– В?ba[2 - Баба – «папа» по-китайски.] надоедает какой-то коммерсант по имени Уолтер Декстер, который настаивает на встрече, так что я выслушаю его и узнаю, чего он хочет.

– Звучит скучно, – нараспев произнесла Розалинда. В ее словах всегда присутствовала некая перчинка, даже когда она говорила с самой сухой интонацией. Губы Джульетты тронула чуть заметная улыбка. Даже если Розалинда и казалась ей сейчас незнакомкой, говорить она всегда будет так же. Джульетта могла бы сейчас закрыть глаза и представить, что они опять стали детьми и дразнят друг друга, поднимая самые чувствительные темы. Она высокомерно фыркнула, напустив на себя обиженный вид.

– Не можем же мы все быть танцовщицами, учившимися в Париже.

– Знаешь что, ты возьми себе мой номер, а наследницей подпольной империи нашего города стану я.

Джульетта рассмеялась, коротко и громко. Ее кузина стала иной. Все стало иным. Но она, Джульетта, умеет учиться и учится быстро.

Тихо вздохнув, она оттолкнулась от стены, к которой прислонялась.

- Хорошо, - сказала она, не отрывая глаз от Кэтлин. - Долг зовет. Увидимся дома.

Розалинда помахала ей рукой и, уронив бычок от сигареты, раздавила его туфлей на высоком каблуке. Джульетте следовало бы упрекнуть ее за это, но здешний пол все равно не станет грязнее, чем есть, так что почему бы и нет? После того как она вошла в этот зал, подошвы ее туфель испачкались, по меньшей мере, пятью сортами опиума. Остается только ступать с осторожностью и надеяться, что служанки не испортят ее кожаные туфли, когда будут счищать с них грязь позже этой ночью.

- Теперь этим делом займусь я.

Подбородок Кэтлин удивленно дернулся, и нефритовый кулон у нее на шее блеснул в свете люстр. Розалинда говорила ей, что в один прекрасный день кто-нибудь сорвет с нее это ценное украшение, если она будет носить его на таком видном месте, но Кэтлин нравилось демонстрировать его. Если уж люди пялятся на ее горло, всегда говорила она, то пусть это будет из-за кулона, а не из-за торчащего из-под него кадыка.

Выражение удивления на ее лице быстро сменилось улыбкой, когда до нее дошло, что за стол напротив английского коммерсанта садится не кто иной, как Джульетта.

- Скажите, могу ли я принести вам что-то еще? - ласково сказала Кэтлин на безупречном английском, в котором звучал легкий французский акцент.

Когда она повернулась, чтобы уйти, у Уолтера Декстера отвалилась челюсть.

- Значит, все это время она меня понимала?

- Скоро вы обнаружите, мистер Декстер, - начала Джульетта, взяв с середины стола свечу и понюхав ее ароматический воск, - что, когда вы с места в карьер

решаете, что кто-то не говорит по-английски, этот человек чаще всего просто дразнит вас.

Уолтер моргнул, затем склонил голову набок, приняв к сведению ее платье, ее американский акцент и то, что она знает, как его зовут.

– Вы Джульетта Цай, – заключил он. – Я ожидал, что со мной встретится ваш отец.

Алая банда именовала себя семейным предприятием, но она не ограничивалась только членами семьи. Цай были ее сердцем, но сама банда состояла из сети бандитов, контрабандистов, торговцев и посредников всех мастей, которые подчинялись господину Цаю. Те иностранцы, у которых такое положение дел не вызывало особого восторга, называли Алых тайным обществом.

– Моему отцу недосуг заниматься торговцами без репутации, – ответила Джульетта. – Если то, что вы хотели с ним обсудить, важно, я передам ему ваши слова.

Однако Уолтера Декстера, похоже, куда больше интересовала светская беседа, чем предметный разговор о делах.

– Когда я в последний раз слышал о вас, вы только отбыли в Нью-Йорк.

Джульетта поставила свечу на стол, и ее пламя заметалось, отбрасывая причудливые тени на лицо немолодого торговца и подчеркивая глубокие складки на его вечно наморщенном лбу.

– К моему большому сожалению, меня посылали на Запад только для того, чтобы я получила там образование, – ответила Джульетта, откинувшись на спинку изогнутого дивана. – Теперь я достаточно повзрослела, чтобы вносить свой вклад в семейное дело, вот меня и притащили домой, хотя я упиралась руками и ногами.

Торговец не засмеялся ее шутке, как хотела Джульетта. Вместо этого он постучал себя по виску, слегка взъерошив седеющие волосы.

– Разве вы не возвращались сюда несколько лет назад?

Джульетта напряглась, и улыбка начала сползать с ее лица. Посетители за столом, стоящим за ее спиной, разразились хохотом после какой-то шутки. От этого звука на затылке волосы встали дыбом, а кожа покрылась потом. Она подождала, когда смех стихнет, использовав эту паузу, чтобы подумать над ответом.

– Только раз, – осторожно ответила она. – Во время Великой войны[3 - Так на Западе называют Первую мировую войну.] в Нью-Йорке было небезопасно. И моя семья беспокоилась обо мне.

Но торговец не захотел менять тему. И, сочувственно хмыкнув, сказал:

– Война закончилась восемь лет назад. А вы возвращались в Шанхай четыре года назад.

От улыбки Джульетты не осталось и следа. Она откинула свои короткие волосы назад.

– Мистер Декстер, мы сидим здесь, чтобы обсуждать вашу широкую осведомленность относительно моей личной жизни, или у этой встречи все-таки есть конкретная цель?

Уолтер побледнел.

– Простите, мисс Цай. Мой сын – ваш ровесник, так что я случайно узнал...

Он осекся, заметив сердитый взгляд Джульетты. И прочистил горло.

– Я просил вашего отца о встрече, чтобы поговорить о новом продукте.

Несмотря на эту туманную формулировку, было совершенно ясно, что именно Уолтер Декстер имеет в виду. Прежде всего Алая банда являла собой преступную группировку, а преступники обычно имеют непосредственное отношение к черному рынку. Раз Алые контролировали Шанхай, логично считать, что они же контролируют и черный рынок, решая, кто будет на нем торговать,

кому разрешено преуспевать в делах, а кто должен умереть. В тех частях города, которые все еще принадлежали китайцам, Алая банда не просто стояла выше закона – она была воплощением закона. Без бандитов торговцы были не защищены. А не будь торговцев, у бандитов не было бы ни работы, ни цели. Идеальное партнерство, однако ему постоянно угрожала все возрастающая сила Белых цветов. Это была единственная банда Шанхая, у которой действительно была возможность лишить Алых монополии на черном рынке, которую они создавали поколениями.

– О продукте, да? – переспросила Джульетта, рассеянно подняв взгляд. Певица ушла со сцены, свет прожекторов стал бледнее и одновременно заиграл саксофон. Облаченная в ослепительный новый костюм, на сцену горделиво вышла Розалинда. – А вы помните, что случилось, когда англичане в прошлый раз захотели внедрить на шанхайский рынок новый продукт?

Уолтер нахмурился.

– Вы говорите об Опиумных войнах?

Джульетта принялась разглядывать свои ногти.

– В самом деле?

– Но не можете же вы винить меня в том, в чем виновата моя страна?

– А что, разве так нельзя?

У Уолтера все это явно не вызывало восторга. Он сложил ладони вместе, пока на сцене за его спиной шуршали юбки и мелькала обнаженная кожа.

– И все же мне нужна помощь Алой банды. У меня большие объемы лерникрома, которые я хочу продать и который наверняка станет следующим популярным опиатом на рынке. – Уолтер еще раз прочистил горло. – Насколько я понимаю, вы сейчас боретесь за контроль над Шанхаем?

Джульетта подалась вперед. От этого резкого движения бусинки на ее платье звякнули, и звук слился с музыкой, которую играл джаз-бэнд.

Постоянная борьба между Алой бандой и Белыми цветами ни для кого не была секретом. Дело обстояло совсем наоборот, поскольку кровная вражда бушевала не только между теми, кто носил фамилию Цай или фамилию Монтеков. Рядовые члены каждого из этих кланов ненавидели друг друга с пылом и усердием, имеющими почти сверхъестественный накал. Иностранцы, впервые прибывшие в Шанхай по делам, получали одно-единственное предупреждение, причем это происходило прежде, чем они узнавали о городе что-либо еще – выбери одну из сторон и сделай это быстро. Если такой иностранец заключал хотя бы одну сделку с Алой бандой, он считался Алым всегда и везде. Его привечали на территории Алых и убивали, если он забредал в районы, где властвовали Белые цветы.

– Мне кажется, – тихо сказал Уолтер, – что Алая банда теряет контроль над своим собственным городом.

Джульетта откинулась назад. Ее кулаки под столом сжались так крепко, что костяшки побелели. Четыре года назад она смотрела на Шанхай, и ее ослеплял его блеск, смотрела на Алую банду, и ее согревала надежда. Тогда она не понимала, что Шанхай – это иностранный город в своей собственной стране. Теперь же это было ей ясно. Одним его куском правили англичане, еще одним – французы, а в тех частях, которые формально оставались под управлением китайцев, все более и более усиливались позиции русских Белых цветов. Дело давно шло к этому, но Джульетта скорее откусила бы себе язык, чем добровольно признала это в разговоре с торговцем, который ничего не понимал в здешних делах.

– Мы еще свяжемся с вами относительно вашего продукта, мистер Декстер, – сказала она после длинной паузы, изобразив на лице непринужденную улыбку. И незаметно выдохнула, сняв напряжение, которое почти до боли сдавливало ей грудь. – А теперь, если позволите, мне нужно...

В кабаре вдруг повисло молчание, и последние слова Джульетты прозвучали слишком громко. Уолтер выпучил глаза, уставясь на что-то, находящееся за ее спиной.

– Ничего себе, – произнес он. – Это же один из этих большевиков.

У Джульетты кровь застыла в жилах. Медленно, очень медленно она повернулась, чтобы посмотреть туда, куда был устремлен взгляд Уолтера Декстера, и сквозь сигаретный дым вгляделась в тени, пляшущие у входа в кабаре.

Пожалуйста, только не это, мысленно взмолилась она. Кто угодно, лишь бы не...

Внезапно все словно застлала пелена. На одну ужасную секунду ось земли накренилась, и Джульетте показалось, что она вот-вот упадет. Затем пол снова стал горизонтальным, и к ней вернулась способность дышать. Встав, она откашлялась и постаралась придать своему голосу как можно более скучающий тон.

– Монтековы эмигрировали из России задолго до большевистской революции, мистер Декстер.

Прежде чем ее кто-то заметил, Джульетта скользнула в тень, где темные стены скрадывали блеск ее платья, а мокрые доски поглощали стук ее каблуков. Но все было тщетно. Все глаза были прикованы к Роману Монтекову, который пробирался между столами кабаре. Сейчас на танцующую на сцене Розалинду впервые не смотрела ни одна живая душа.

На первый взгляд могло показаться, что посетители, сидящие за круглыми столами, поражены тому, что в кабаре вошел иностранец. Но здесь сидели множество иностранцев, к тому же Рома со своими темными волосами, темными глазами и бледной кожей мог бы остаться незамеченным среди китайцев, подобно выкрашенной в красный цвет белой розе, оказавшейся среди маков. Дело было не в том, что Роман Монтеков являлся иностранцем, а в том, что наследник Белых цветов был врагом, ступившим на территорию Алых. Краем глаза Джульетта видела, что Алые уже засуетились: они доставали из карманов пистолеты, обнажали клинки, и всем своим видом демонстрировали враждебность.

Выйдя из тени, Джульетта вскинула руку в сторону ближайшего стола, как бы говоря: подождите.

Бандиты застыли, каждая группа брала пример с тех своих товарищей, кто расположился по соседству. Они ждали, делая вид, будто продолжают вести

свои беседы, а Роман Монтеков меж тем обходил один стол за другим, сосредоточенно шуря глаза.

Джульетта двинулась к нему. Прижав руку к горлу, она заставила себя проглотить застрявший в нем ком, выровнять дыхание, не удариться в панику и даже изобразить ослепительную улыбку. Когда-то Рома мог видеть ее насквозь, но с тех пор прошло четыре года. Он изменился. И она тоже.

Джульетта коснулась рукой его спины.

- Привет, незнакомец.

Рома повернулся. Мгновение казалось, что он не понимает, кто перед ним. Он смотрел на нее, и в его глазах, пустых, как прозрачное стекло, читалось недоумение. Затем до него дошло, что перед ним стоит наследница Алых, и его словно окатило ледяной водой. Губы его приоткрылись, и он чуть слышно выдохнул. Когда он видел ее в прошлый раз, им обоим было по пятнадцать лет.

- Джульетта, - произвольно воскликнул он, но теперь они больше не были настолько накоротке, чтобы называть друг друга по именам. Уже давно. Рома кашлянул. - Мисс Цай. Когда вы вернулись в Шанхай?

Я никогда и не уезжала, хотела сказать Джульетта, но это было не так. Ее душа оставалась здесь - ее мысли вертелись вокруг хаоса, несправедливости и жгучей ярости, которыми были полны здешние улицы, - однако ее тело для сохранности опять, во второй раз, было отправлено за океан. Она не хотела уезжать, и ей было так тошно от разлуки с городом, что она чувствовала, как у нее поднимается жар каждую ночь после возвращения с очередной вечеринки или из подпольного бара, где наливали спиртное, несмотря на сухой закон. Шанхай давил на нее, словно стальная корона, прибитая к ее голове. Будь мир другим, будь у нее выбор, она, быть может, отошла бы в сторону, отказавшись от роли наследницы криминальной империи. Но у нее не было выбора, не было никогда. Это была ее жизнь, это был ее город, это были ее земляки, и, поскольку она любила их, она давно дала себе клятву, что будет чертовски хорошо исполнять свою роль, ибо она не может быть никем иным, а только той, кто она есть.

Во всем этом виноват ты, хотела сказать она. Это из-за тебя меня заставили покинуть мой город. Моих родных, моих земляков. Мою кровь.

– Я вернулась уже некоторое время назад, – без усилий солгала Джульетта, прижавшись бедром к стоящему слева от нее незанятому столу. – Мистер Монтеков, прошу простить меня, но что вы делаете здесь?

Она заметила, как Рома чуть заметно ощупал себя, и поняла, что он проверяет, на месте ли его припрятанное оружие. Вот он смотрит на нее, медля, подбирая слова. У нее было достаточно времени для того, чтобы подготовиться – семь дней и семь ночей для того, чтобы вернуться в этот город и очистить свое сознание от воспоминаний обо всем, что произошло здесь между ними. Но что бы Рома ни ожидал обнаружить в этом кабаре, когда он вошел сюда, это явно была не она, не Джульетта.

– Мне надо поговорить с господином Каем, – ответил наконец Рома, заложив руки за спину. – Это важно.

Джульетта подошла ближе. Ее пальцы случайно нащупали спрятанную в складках платья зажигалку и она задумчиво крутила колесико, высекающее искру. Рома произнес ее фамилию «Кай», так, как ее произносили иностранные коммерсанты. И китайцы, и русские произносили эту фамилию одинаково – Цай, – такой звук получается, когда чиркаешь спичкой. Сейчас он искажил ее намеренно, ибо этого требовала ситуация. Она свободно говорила по-русски, он владел шанхайским диалектом китайского языка, однако сейчас они оба разговаривали по-английски, он с одним акцентом, она с другим, как пара случайно встретившихся деловых людей. Если бы они перешли на родной язык одного из них, то тем самым они встали бы на одну из сторон, поэтому-то они и выбрали компромисс.

– Наверное, это и вправду важно, если вы явились сюда. – Джульетта пожала плечами и перестала вертеть в руке зажигалку. – Скажите мне, в чем дело, а я передам отцу то, что вы имеете сказать. Как наследник наследнице, мистер Монтеков. Вы же можете мне доверять, не так ли?

Это был нелепый вопрос. Ее губы говорили одно, а холодный, бесстрастный взгляд совсем другое – «Один неверный шаг, пока ты находишься на моей территории, и я убью тебя голыми руками». Она последний человек, которому он

бы стал доверять, и наоборот.

Но что бы ни было нужно Роме, это было что-то серьезное. Наверняка. Он не стал с ней спорить.

– Мы не могли бы...

Он махнул рукой в глубь зала, в сторону темных углов, где их не увидят зрители, повернувшись к ним, словно к участникам еще одного представления. Они будто ждали, когда Джульетта удалится, и они смогут напасть на него.

Сжав губы в тонкую линию, Джульетта развернулась и взмахом руки поманила его в другую сторону. Он сразу же последовал за ней, идя размеренной походкой и держась так близко, что бусинки на ее платье сердито звякали на каждом шагу. Она не понимала, почему ей вообще есть до этого дело, почему ей не все равно. Надо было отдать его Алым, пусть бы сами разбирались с ним.

Нет, решила она. Он мой. Заниматься им буду я. И уничтожу его тоже я.

Джульетта остановилась. Теперь они остались наедине: только она и Рома Монтеков, здесь, в потемках, где другие звуки были приглушены, откуда остальные части кабаре были плохо видны. Она потерла запястье, желая замедлить свой пульс, как будто это было в ее власти.

– Давайте, говорите, в чем дело, – сказала она.

Рома обернулся, пригнул голову и так понизил голос, что Джульетте пришлось напрячь слух, чтобы расслышать его. И она в самом деле сделала это – напрягла слух, – потому что не хотела наклоняться ближе, чем было необходимо.

– Минувшей ночью на причале в порту погибли пятеро Белых цветов. У всех было разорвано горло, вырваны кадыки.

Джульетта моргнула.

– И что с того?

Она не хотела показаться бездушной, но члены обеих банд убивали друг друга каждую неделю. Джульетта и сама увеличила число этих убийств. Если ему хочется переложить вину на Алых, то он только зря теряет время.

– И, – с нажимом сказал Рома, явно заставив себя проглотить «если ты позволишь мне закончить», – таким же образом погиб один из ваших. А также полицейский. Англичанин.

Джульетта чуть заметно нахмурилась, пытаясь припомнить, слышала ли она, чтобы кто-нибудь в доме минувшей ночью говорил о том, что кто-то из Алых погиб. Было странно, что убитые имелись в обеих бандах, поскольку более масштабные убийства обычно совершались из засад, и еще более странным был тот факт, что среди убитых оказался полицейский. Однако произошедшее все же нельзя было назвать невероятным, и она только приподняла бровь, не выказав интереса.

Тогда он продолжил:

– Все свои раны они нанесли себе сами. Разборки не было.

Джульетта потрясла головой – может, она ослышалась? Убедившись, что в ухе у нее ничего нет, она воскликнула:

– Семь мертвецов с ранами, которые они нанесли себе сами?

Рома кивнул и оглянулся на зал, как будто держа в поле зрения бандитов, сидящих за столами, он помешает им напасть на него. А может быть, он вообще не пытался держать их в поле зрения, а просто избегал смотреть перед собой, смотреть на нее.

– Я явился сюда, чтобы найти объяснение. Вашему отцу что-нибудь известно об этом?

Джульетта возмущенно фыркнула. Он что же, хочет сказать, что пятеро Белых цветов, один Алый и полицейский встретились на причале, а затем взяли и сами себе разорвали горла, вырвав кадыки? Это походило на скверную шутку, да еще такую, где отсутствует соль.

– Мы не можем вам помочь, – объявила она.

– Любые сведения могут иметь значение для выяснения обстоятельств того, что произошло, мисс Кай, – стоял на своем Рома. Маленькая складочка, всегда появляющаяся у него между бровями, когда он бывал раздражен, походила на молодой месяц. В этих смертях есть нечто такое, о чем он не говорит – он бы так не переполошился из-за обычной засады. – Один из погибших был вашим человеком...

– Мы не станем сотрудничать с Белыми цветами, – перебила его Джульетта. От ее напускной веселости уже давно не осталось и следа. – Давайте внесем ясность прежде, чем вы скажете что-то еще. Известно моему отцу что-то об этих смертях или нет, мы не станем делиться этим с вами и не станем устанавливать контакты, которые могли бы помешать нашим деловым проектам. До свидания, сэр.

Она открыто выпроваживала его, однако он продолжал стоять, где стоял, глядя на Джульетту с таким видом, будто съел лимон. Она уже повернулась на каблуках, готовясь удалиться, когда услышала яростный шепот Ромы:

– Что с тобой произошло?

Она могла бы многое сказать в ответ. Могла бы подобрать такие слова, чтобы из них сочился яд, который она накопила в себе за годы, проведенные в разлуке, и извергнуть на него всю эту отраву. Она могла бы напомнить ему о том, что он сделал четыре года назад, чтобы словно кинжал вонзить в него чувство вины, пока не пойдет кровь. Но прежде чем она открыла рот, кабаре огласил истошный вопль, перебивший все остальные звуки, как будто он звучал на другой частоте.

Танцовщицы на сцене замерли, музыка смолкла.

– Что это? – пробормотала Джульетта. Но, когда она двинулась с места, чтобы выяснить, в чем дело, Рома схватил ее за локоть и резко прошипел:

– Джульетта, не ходи туда.

Его прикосновение словно опалило ее кожу, это было как ожог. Джульетта выдернула руку быстрее, чем если бы та в самом деле загорелась, в глазах ее полыхал огонь. Он не имел права. Он потерял право делать вид, будто у него когда-либо было намерение оберегать ее.

Она решительно направилась в другой конец зала, не обращая ни малейшего внимания на Рому, который следовал за ней по пятам. Ее все больше и больше охватывала паника, хотя она и не могла понять, что именно вызывает у нее такую реакцию – пока уверенно не растолкала разрастающуюся толпу и не увидела мужчину, бьющегося на полу, вцепившись пальцами в свою толстую шею.

– Что он делает? – закричала она, бросаясь вперед. – Кто-нибудь, остановите его!

Но его ногти уже глубоко вонзились в горло, и он продолжал вгонять их в свою плоть с животной одержимостью – как если бы там, внутри, находилось нечто, и это нечто незримо для остальных ползало под его кожей. Глубже, глубже, пока его пальцы целиком не погрузились в горло и он не начал разрывать сухожилия, артерии, вены.

В кабаре повисла тишина, в которой слышалось только затрудненное дыхание этого низкорослого, толстого мужчины с горлом, разорванным в клочья и кровью на руках.

Глава два

Тишина сменилась воплями, вопли переросли в хаос, и Джульетта закатала блестящие рукава своего платья, плотно сжав губы и наморщив лоб.

– Мистер Монтеков, – сказала она громко, чтобы перекрыть гвалт, – вы должны уйти.

Решительно выйдя вперед, она знаком велела двум Алым подойти ближе. Они подчинились, но сделали это со странным выражением на лицах, которое Джульетта чуть было не приняла за оскорбление, пока, обернувшись, не

увидела, что Рома все еще стоит на месте, явно не собираясь уходить. Вместо этого он бросился вперед, пронесся мимо нее с таким видом, будто это он здесь хозяин, и, быстро опустившись на корточки рядом с умирающим, с прищуром уставился – подумать только – на его башмаки.

– Какого черта? – чуть слышно пробормотала Джульетта. И сделала знак двум Алым подойти к Роме. – Выпроводите его вон.

Этого они и ждали. Один из Алых немедля толкнул наследника Белых цветов, вынудив Рому с сердитым шипением вскочить на ноги, чтобы не упасть на окровавленный пол.

– Я сказала выпроводить его, – цыкнула Джульетта. – Сегодня же праздник Середины осени. Не будь скотиной.

– Но мисс Цай...

– Неужели ты не видишь? – холодно перебил его Рома, показывая пальцем на умирающего. Он повернулся лицом к Джульетте, его челюсть напряглась, глаза смотрели только на нее. Он вел себя так, будто в поле его зрения не было никого, кроме нее, будто двое Алых не смотрели на него волком, будто люди в кабаре не вопили и не бегали вокруг расплзающейся лужи крови. – Именно это и случилось минувшей ночью. Это не единичный случай, это массовое помешательство...

Джульетта вздохнула и взмахнула рукой. Двое Алых крепко схватили Рому за плечи, и он, щелкнув зубами, замолчал. Он не станет устраивать сцену на территории Алых. Ему повезло, что он вообще может убраться подобра-поздорову без дырки от пули в спине. И он это знал – только поэтому он и терпел грубое обращение со стороны этих малых, которых в другое время вполне мог прикончить на улицах.

– Спасибо за понимание, – с притворной улыбкой произнес он.

Больше он ничего не сказал, пока его выводили. Джульетта, прищурившись, смотрела ему вслед, и, только когда его вытолкали за дверь кабаре, снова переключила свое внимание на жуткую картину и, со вздохом выйдя вперед, встала на колени рядом с умирающим мужчиной.

С такой раной его невозможно было спасти. Из нее все еще хлестала кровь, все увеличивая разлившуюся на полу красную лужу. Кровь впитывалась и в ткань ее платья, но Джульетта едва замечала это. Мужчина пытался что-то сказать, но она не могла расслышать, что.

– Вам следовало бы положить конец его страданиям.

Уолтер Декстер протолкался сквозь толпу и теперь смотрел на умирающего поверх плеча Джульетты с почти что насмешливым выражением на лице. Он не сдвинулся с места даже тогда, когда официантки начали оттеснять толпу зевая и кричать им, чтобы они разошлись. К досаде Джульетты, никто из Алых не потрудился оттащить Уолтера – у этого малого был такой вид, будто он имеет полное право находиться здесь. В Америке Джульетта встречала множество подобных типов – мужчин, воображавших, будто они вправе делать все, что захотят, поскольку мир устроен так, чтобы давать преимущество таким, как они – цивилизованным людям. Их самоуверенность не знала границ.

– Тише, – бросила Джульетта, наклонившись к умирающему и напрягая слух. Если он хочет сказать что-то перед смертью, он заслуживает быть услышанным...

– Я уже видел такие вещи – это наркотический психоз. Возможно, он принимал метамфетамин или...

– Тише!

Джульетта сосредоточилась, истерия вокруг нее немного поутихла и она наконец смогла разобрать звуки, которые издавал умирающий.

– Gu?i. Gu?i. Gu?i.

Gu?i?

Чувствуя головокружение, Джульетта перебирала в уме все слова, напоминающие то, что произносил этот умирающий мужчина. Единственным словом, которое имело бы хоть какой-нибудь смысл, было...

– Чудовище? – спросила она, сжав его плечо. – Ты это хочешь сказать?

Мужчина замер, и на секунду его взгляд сделался удивительно ясным. Затем он быстро и неразборчиво пробормотал:

– Нуо би. – После этого последнего вздоха, последнего предостережения, его глаза остекленели.

Джульетта, потрясенная, протянула руку и опустила его веки. Прежде чем до нее дошел смысл его последних слов, подошла Кэтлин и накрыла его скатертью с одного из столов. Теперь остались видны только его ступни, обутые в те самые поношенные башмаки, на которые пялился Рома.

Они разные, вдруг поняла Джульетта. Один башмак, кожаный, был недавно начищен и блестел, а второй, матерчатый, был меньшего размера, совершенно другого цвета и трижды обмотан бечевкой вокруг прохудившегося носка.

Странно.

– Что он сказал?

Уолтер все еще ошивался рядом, похоже, не понимая, что ему пора уходить, и не замечая, что Джульетта уставилась в пространство невидящим взглядом, гадая, каким образом Роме удалось приурочить свой визит к этой смерти.

– Беды имеют свойство обрушиваться скопом, – перевела она, наконец придя в себя. Уолтер Декстер непонимающе смотрел на нее, пытаясь взять в толк, почему умирающему вздумалось произнести такую сложную фразу. Он не понимал китайцев с их любовью к поговоркам. Он уже открывал рот, наверняка затем, чтобы толкнуть еще одну бессмысленную речь касательно своих обширных познаний о наркотиках и наркоманах и поразглагольствовать об опасностях приобретения продукта у ненадежных поставщиков, но Джульетта подняла палец, делая ему знак замолчать. Она была твердо уверена – эти предсмертные слова не были произнесены наркоманом, принявшим слишком много зелья. Это было предостережение человека, который увидел то, чего ему не следовало видеть.

– Позвольте мне уточнить. В вашем языке есть более подходящий перевод его слов, – сказала она. – Пришла беда – отворяй ворота.

* * *

Под самой крышей дома Белых цветов с его протекающими водопроводными трубами и отсыревшими коврами, на деревянной потолочной балке, сидела Алиса Монтекова, прижав подбородок к коленям и прислушиваясь к тому, что говорили на встрече, проходящей внизу.

Монтековы жили не в большом и шикарном особняке, который могли бы себе позволить при своем богатстве, нет, они предпочитали обитать в самом сердце Шанхая, не отделяя себя от нищих горемык, собирающих отбросы. Снаружи их жилище ничем не отличалось от других многоквартирных домов, стоящих на этой оживленной улице. Внутри же они перестроили здание так, что теперь оно представляло собой сложную головоломку, состоящую из комнат, офисов и лестниц, которые прибирали не слуги и служанки, а те, кто входил в иерархию Белых цветов. Здесь жили не только Монтековы, но и все прочие Белые цветы, играющие сколько-нибудь значительные роли в организации. Среди тех, кто приходил в этот дом и выходил из него, будь они внутри или снаружи, царила идеальная субординация. Во главе всего стоял господин Монтеков, вторым человеком – во всяком случае, номинально – был его сын Роман, но ниже роли постоянно менялись, определяемые не происхождением, а заслугами. В то время как Алая банда была построена на принципе старшинства родов – все зависело от того, насколько глубоко корни твоей семьи уходили в те минувшие времена, когда империя еще не лежала в руинах, – в рядах Белых цветов все постоянно менялось. Те, кто хотел, могли пробиться наверх, а те, кто оставался внизу, делали это исключительно по собственной воле. Смысл вступления в банду Белых цветов заключался не в том, чтобы достичь власти или богатства, любой ее член мог покинуть ее в любой момент, если ему не нравились приказы, которые отдавали Монтековы. Все дело было в чувстве дружеского плеча – русские эмигранты, стекающиеся в Шанхай, были готовы на все, чтобы вступить в банду Белых цветов, дабы вновь обрести то ощущение братства и духовной близости, которое отняли у них большевики.

Но это относится только к мужчинам, подумала Алиса. Русские женщины, которым не повезло, которые не принадлежали к семьям Белых цветов, работали танцовщицами или шли в содержанки. На прошлой неделе Алиса

слышала, как какая-то англичанка сетует на то, что семьи, живущие в Иностранном квартале, распадаются из-за красоток из Сибири, у которых нет денег, а есть только милые личики, хорошие фигуры и воля к жизни. Сбежавшие из России эмигрантки были готовы на все, ибо какое значение имеют моральные принципы, если тебе грозит голодная смерть?

Алиса вздрогнула. Мужчины, чей разговор она подслушивала, внезапно понизили голоса, почти перейдя на шепот, и это заставило ее вновь переключить все внимание на то, что происходило внизу.

– В последнее время политиканы слишком много болтают, – хрипло проговорил кто-то. – Почти наверняка нынешнее массовое помешательство – их рук дело, хотя сейчас трудно сказать, кто именно за этим стоит: коммунисты или Гоминьдан. Многие источники утверждают, что Чжан Готао, хотя лично мне сложно в это поверить.

– Да ладно, – насмешливо сказал еще кто-то из сидящих внизу. – Чжан Готао так скверно справляется с ролью генерального секретаря Коммунистической партии, что по его приказу на листовках, сообщающих об их очередном собрании, напечатали не то число.

Алиса видела троих мужчин, сидящих напротив ее отца, сквозь мелкую тонкую сетку, которой было затянута пространство под потолком, и потому не могла разглядеть их лиц, но достаточно было акцента, с которым они говорили по-русски. Это были шпионы-китайцы.

– А что нам известно об их методах? Каким образом распространяется это помешательство?

Это был голос ее отца, его нельзя было спутать ни с каким другим. Господин Монтеков всегда говорил так повелительно, что казалось, будто ты совершаешь грех, если твое внимание не сосредоточено целиком на его словах.

Один из китайцев прочистил горло и принялся так отчаянно заламывать руки, что Алиса, прищурившись, подалась вперед, чтобы получше рассмотреть его сквозь сетку.

– Это из-за чудовища.

Алиса чуть было не свалилась с балки, но в последний момент успела упереться в нее руками и с облегчением выдохнула.

– Что-что?

– О том, откуда берется это помешательство, нам известно только одно, – сказал третий из мужчин. – Все дело в чудовище, которое видели несколько раз. Я и сам его видел, видел его серебряные глаза в реке Хуанпу, они моргали так, что ни один человек не смог бы...

– Хватит, хватит, – оборвал его отец Алисы. В его тоне звучало раздражение, он был рассержен тем оборотом, который принял разговор. – Я не желаю слушать эту чушь о каком-то чудовище. Если это все, то я буду с нетерпением ждать нашей следующей встречи.

Хмурясь, Алиса побежала по балкам, глядя на уходящих китайцев. Ей уже исполнилось двенадцать лет, но она была мелкой и вечно пряталась в тени, словно дикий грызун. Когда дверь внизу закрылась, она перепрыгнула с одной потолочной балки на другую, пока не распласталась на последней из них прямо над китайцами.

– Видно, что он боится, – тихо заметил один из них.

Другой цыкнул на него, но слова уже были произнесены и превратились в острые стрелы разрушения, пронзающие комнату. Китайцы плотно запахнули свои куртки и покинули жаркий лабиринт, который представляло собой жилище Монтековых. А Алиса осталась наверху, в своем уголке.

Страх. А она-то думала, что ее отцу давно уже неизвестно это чувство. Страх – это для тех мужчин, у которых нет пистолетов. И для людей вроде нее, Алисы, маленьких, худых и все время озирающихся по сторонам.

Если господин Монтеков боится, то правила начинают меняться.

Алиса спрыгнула с потолка и пустилась бежать.

Глава три

Торопливо выйдя в коридор, Джульетта уже знала, что она опоздала.

Отчасти в этом была виновата служанка, которая вовремя не разбудила ее, а отчасти она сама, поскольку не смогла встать на рассвете, как делала каждый день с тех пор, как вернулась в Шанхай. Эти короткие минуты, когда небо начинало светлеть – и до того, как пробуждались остальные домочадцы, – были самыми безмятежными в этом доме. Это было ее любимое время, ибо только, встав рано, она могла, выйдя на балкон, подышать холодным воздухом и насладиться полной тишиной. Могла пройти по дому так, чтобы ей никто не докучал, впорхнуть на кухню, раздобыть у поваров все, чего ей хотелось, и сесть на то место за пустым обеденным столом, куда она пожелает. А если она завтракала достаточно быстро, ей даже удавалось провести немного времени в гостиной, распахнув окна и слушая утреннее пение птиц. В те же дни, когда у нее не получалось встать рано, она была вынуждена, кипя от раздражения, сидеть за завтраком вместе с остальными обитателями дома.

Остановившись перед дверью кабинета своего отца, Джульетта тихо выругалась. Сегодня дело было не только в том, чтобы избежать общения с родней, она хотела поприсутствовать на одной из встреч ее отца.

Дверь быстро отворилась, и Джульетта сделала шаг назад, пытаясь вести себя как ни в чем не бывало. Да, я определенно опоздала.

– Джульетта. – Господин Цай смотрел на нее, хмурясь. – Зачем ты встала в такую рань?

Джульетта сложила руки под подбородком – сама невинность.

– Я слышала, что к нам прибыл уважаемый гость и подумала, что мне надо выразить ему почтение.

Этот самый гость насмешливо поднял бровь. Он был националистом, членом Гоминьдана, однако трудно было определить, насколько он уважаем, поскольку сейчас он был одет в европейский костюм, а не в военную форму Гоминьдана со

знаками отличия на воротнике. Алая банда поддерживала дружеские отношения с националистами – с Гомиьнданом – с тех самых пор, как эта партия была учреждена. В последнее время эта дружба окрепла, что было обусловлено необходимостью бороться с усилением «союзников» Гомиьндана – коммунистов. Джульетта вернулась домой всего неделю назад, но за это время она стала свидетельницей по меньшей мере пяти встреч отца с разными представителями Гомиьндана, которые вели себя нервозно и требовали поддержки Алых. Всякий раз она приходила на эти встречи слишком поздно и потому не заходила в кабинет, чтобы не ставить своего отца в неловкое положение. Вместо этого ей приходилось стоять под дверью в надежде разобрать хотя бы обрывки ведущихся в кабинете бесед.

Националисты боялись, это было ясно. Растущая Коммунистическая партия Китая поощряла вступление своих членов в Гомиьндан, чтобы продемонстрировать свое сотрудничество с националистами, однако такое сотрудничество выливалось в растущее усиление коммунистов внутри Гомиьндана, которое начинало угрожать ему. Об этом говорили по всей стране, но особенно в Шанхае, этом средоточии беззакония, где администрации то появлялись, то умирали.

– Это очень любезно с твоей стороны, Джульетта, но господину Цяо надо ехать на другую встречу.

Господин Цай сделал знак слуге проводить националиста. Господин Цяо вежливо приподнял свою шляпу, и Джульетта натянуто улыбнулась, подавив вздох.

– Возможно, следовало бы позволить мне поприсутствовать хотя бы на одной из твоих встреч, В?ба, – сказала она, как только господин Цяо вышел за дверь. – Ты же должен обучать меня.

– Я могу учить тебя не спеша, – ответил господин Цай, покачав головой. – Пока тебе лучше не влезать в политические дела. Политика – скучная штука.

Но влезать в политические дела было необходимо, особенно сейчас, когда Алая банда тратила столько времени, принимая деятелей Гомиьндана. И особенно после того, как господин Цай и глазом не моргнул, когда Джульетта рассказала ему о появлении наследника банды Белых цветов в их главном кабаре, ответив,

что ему уже обо всем доложили и они поговорят об этом утром.

– Давай пойдем завтракать, – предложил он. И, положив руку на затылок Джульетты, повел ее перед собой вниз по лестнице, как будто существовала опасность, что она может сбежать. – За завтраком мы можем поговорить и о том, что произошло ночью.

– Завтрак – это чудесно, – пробормотала она. Если честно, разговоры, ведущиеся за завтраком, действовали ей на нервы. В утренних трапезах в этом доме было что-то такое, от чего она чувствовала себя не в своей тарелке. Что бы ни обсуждали ее родственники, как бы обыденны ни были темы их бесед – например рост цен на рис, – они не могли не язвить. Все их разговоры куда больше походили для позднего вечера, когда служанки уходили в свои каморки, и на полированные полы дома опускалась тьма.

– Джульетта, дорогая, ты хорошо спала? – проворковала одна из ее дальних тетушек, едва она и ее отец приблизились к столу.

– Да, А у?, – натянуто ответила Джульетта, садясь за стол. – Я очень хорошо спала.

– Ты опять подстригла волосы? Да, наверняка. По-моему, прежде они не были такими короткими.

Кроме того, что ее родственники отличались докучливостью, их, то приезжающих в дом Цаев, то покидающих его, к тому же было так много, что Джульетта не испытывала особых чувств ни к кому из них. Исключением были только Розалинда и Кэтлин, ее двоюродные сестры и единственные подруги. Все остальные были просто теми, чьи имена и степень родства ей нужно было помнить на тот случай, если когда-нибудь ей что-то понадобится от них. Та тетушка, которая сейчас трещала у нее под ухом, приходилась ей настолько дальней родней, что вряд ли в будущем от нее может быть какой-то толк. Непонятно, почему она вообще завтракает с ними за одним столом.

– Ради бога, d? jje, дай малышке передохнуть.

Джульетта вскинула голову и улыбнулась, глядя на мужчину, чей голос прозвучал с другого конца стола. Если подумать, есть еще одно исключение –

господин Ли, на которого она смотрит как на любимого дядю.

- Xi? xie, - одними губами произнесла она.

В ответ на ее «спасибо» господин Ли приподнял свою чашку с чаем; его глаза весело блеснули. Дальняя тетушка фыркнула, но перестала трещать. Джульетта повернулась к своему отцу.

- Итак, В?ба, - сказала она, - вчера ночью, если верить тому, что мне сказали, один из наших людей столкнулся в порту с пятью Белыми цветами, после чего вырвал собственное горло. Что ты об этом думаешь?

Господин Цай задумчиво хмыкнул, сидя во главе длинного прямоугольного стола, затем потер переносицу и глубоко вздохнул. Интересно, подумала Джульетта, когда он в последний раз спокойно спал всю ночь, спал таким сном, который не прерывали ни тревоги, ни поздние встречи. Чужой человек не заметил бы, что он утомлен, но Джульетта знала - это именно так.

А может, ему просто надоело сидеть каждое утро во главе этого стола и с утра пораньше слушать, как все они точат лясы. До отъезда Джульетты их обеденный стол был круглым, таким, каким и должны быть китайские столы. Наверное, его заменили просто для того, чтобы понравиться гостям с Запада, которые являлись в дом Цаев, чтобы встретиться с его хозяином. Но результат оказался скверным - теперь многочисленные родственники, собирающиеся за ним, не могли переговариваться с тем, с кем хотели, как тогда, когда они сидели кружком.

- В?ба, - попыталась Джульетта поторопить отца, хотя и знала, что он все еще размышляет. Ее отец был скуп на слова, а она терпеть не могла молчания. Даже когда вокруг царил суета - служанки сновали туда-сюда, то входя в кухню, то выходя из нее, и за столом велось сразу несколько разговоров, одни громче, другие тише, - она не выносила, когда отец медлил с ответом на ее вопрос и заставлял ее ждать.

Впрочем, даже если сейчас он пойдет ей навстречу, господин Цай только делал вид, будто его заботит так называемое массовое помешательство. Джульетта видела - эта история была пустяком на фоне огромного списка проблем, требующих его внимания. Разве серьезным людям есть дело до слухов о каких-

то там странных тварях, выплывающих из реки, когда Гомиьндан и коммунисты вот-вот столкнутся друг с другом, когда они готовят винтовки и снаряжают войска?

- Рома Монтеков сообщил тебе только это? - спросил наконец господин Цай.

Джульетта вздрогнула, она ничего не могла с собой поделать. Четыре года она сжималась при одной мысли о Роме, и теперь, когда его имя было произнесено вслух - причем не кем-нибудь, а ее отцом, - это показалось ей чем-то неприличным.

- Да.

Ее отец забарабанил пальцами по столу.

- Я подозреваю, что он знает больше, чем говорит, - продолжила она, - но предпочитает быть осторожным.

Господин Цай опять погрузился в молчание, позволяя окружающему шуму то становиться громче, то стихать. Возможно, сейчас его мысли заняты чем-то другим, подумала Джульетта, ведь он крайне индифферентно отнесся к вести о том, что наследник Белых цветов вторгся на территорию их семьи. Учитывая, насколько для Алой банды серьезна кровная вражда, напрашивается вывод, что теперь первостепенное значение имеет политика, раз уж господин Цай почти не обратил внимания на то, что Рома Монтеков так дерзко нарушил правила.

Однако прежде, чем ее отцу представилась возможность сказать что-то еще, распашные двери кухни открылись с таким грохотом, что тетушка, сидящая рядом с Джульеттой, опрокинула чашку с чаем.

- Если мы подозреваем, что Белые цветы знают больше нашего, то почему мы сидим сложа руки и обсуждаем это?

Джульетта стиснула зубы, промакивая салфеткой вылившийся на ее платье чай. Вошедшим был всего лишь Тайлер Цай, самый надоедливый из ее двоюродных братьев и сестер. Хотя он был ее ровесником, за четыре года ее отсутствия он, похоже, нисколько не повзрослел. Он по-прежнему любил отпускать похабные

шутки и ожидал, что перед ним все будут лебезить. Будь его воля, он потребовал бы, чтобы земля вертелась в обратную сторону, поскольку он считает, что так будет лучше.

– Ты что, всегда подслушиваешь под дверь, вместо того чтобы просто взять и войти? – язвительно спросила Джульетта, но ее насмешку никто не оценил. Их родственники повскакивали со своих мест, торопясь принести Тайлеру кто стул, кто чай, кто еще одну тарелку – надо полагать, украшенную позолотой и отделанную хрусталем. Хотя место наследницы Алой банды принадлежало ей, Джульетте, они никогда не будут так носиться с девчонкой. Несмотря на то что она законная дочь своего отца, в их глазах Джульетта никогда не будет достаточно хороша.

– По-моему, все просто, – продолжил Тайлер и, сев на стул, откинулся на нем с таким вальяжным видом, будто он только что воссел на трон. – Пора нам уже показать Белым цветам, кто в доме хозяин. Давайте потребуем, чтобы они выложили нам все, что знают.

– Ведь у нас есть люди, есть оружие, – подхватил кто-то из дядюшек, кивая и поглаживая бороду.

– На нашу сторону встанут политики, – добавила тетушка, сидящая рядом с Джульеттой. – Наверняка. Они терпеть не могут Белых.

– Делить сейчас сферы влияния, возможно, было бы неразумно...

Наконец-то, подумала Джульетта, повернувшись к своему троюродному брату, произнесшему эти слова. Хоть один человек за этим столом высказал здравую мысль.

– ...однако с твоим опытом и талантом, Тайлер, кто знает, насколько мы смогли бы расширить границы наших владений.

Джульетта еще крепче сжала кулаки. Ничего, не стоит обращать внимания.

– Вот что мы сделаем, – с воодушевлением начал Тайлер. Джульетта бросила взгляд на отца, но он спокойно продолжал завтракать. С момента ее приезда

Тайлер не упускал ни одной возможности утереть ей нос, будь то беседа или случайные остроты, которые он ронял словно вскользь. Но каждый раз господин Цай вмешивался, осаживая его и сухо напоминая всем дядюшкам и тетушкам, кто его настоящая наследница, чтобы они помнили – симпатия к Тайлеру, которую они выказывают так явно, ничего им не даст.

Однако на сей раз господин Цай промолчал. Джульетта не знала, почему он воздерживается от комментариев – потому, что считает планы своего племянника нелепыми, или же, наоборот, потому что согласен с ним. От этой мысли у нее засосало под ложечкой.

– И другие державы не станут выступать против, – продолжал Тайлер. – Если все они прикончили себя сами, это может коснуться любого. Речь идет о наших людях, которым требуется наша защита. Если мы не начнем действовать сейчас и не вернем себе наш город ради них, то какой от нас толк? Неужели нам придется смириться с еще одним веком, полным унижений?

Собравшиеся встретили его слова с восторгом – они одобрительно кряхтели, поднимали сморщенные большие пальцы и хлопали его по плечу. Только господин Ли и ее отец продолжали сидеть молча с безучастным выражением на лицах, но этого было недостаточно. Джульетта в сердцах с силой бросила на стол свои фарфоровые палочки для еды, и они раскололись на четыре куска.

– Ты хочешь заявиться на территорию Белых цветов? – Она встала и разгладила свое платье. – Флаг тебе в руки. Я велю служанке распутать твои кишки, когда они пришлют их нам в коробке.

Их родственники молчали, слишком удивленные, чтобы протестовать. Джульетта быстро вышла из кухни, и, хотя внешне она была спокойна, сердце ее колотилось из-за опасений, что сейчас она, возможно, зашла слишком далеко. Оказавшись в коридоре, она тотчас же остановилась и оглянулась на распашные двери, качающиеся за ней. Дерево, из которого они были сделаны, было привезено из какой-то дальней земли, и на них красовались китайские иероглифы – стихи, которые Джульетта давным-давно выучила наизусть. Этот стал отражением их города, он представлял собой союз Востока и Запада. Он тоже упрямо не желал отказываться от старины, в то же время отчаянно стараясь копировать все новое и, как и город, не отличался внутренней гармонией.

Красивые, но плохо пригнанные двери распахнулись опять, но Джульетта и бровью не повела. Она ожидала этого.

- Джульетта, на минутку. Мне надо сказать тебе пару слов.

Это был всего лишь Тайлер, вышедший в коридор вслед за ней. На лице его читалось недовольство. У него были такой же острый подбородок, как и у Джульетты, и такая же ямочка возле левого уголка губ, которая появлялась в минуты внутреннего напряжения. На каждом семейном портрете они с Тайлером стояли рядом, и все восторгались их сходством, как будто они были близнецами, а не двоюродными братом и сестрой. Но они никогда не ладили между собой. Даже когда были малышами и играли с игрушечными пистолетами вместо боевых, даже тогда Тайлер не упускал случая выстрелить деревянной пулькой в голову Джульетте.

- Говори.

Тайлер сложил руки на груди.

- Что с тобой не так?

- Со мной?

- Да, с тобой. Мне не нравится, что ты отвергаешь любую мою идею...

- Ты же не глуп, Тайлер, так перестань наконец вести себя как дурак, - перебила его Джульетта. - Я ненавижу Монтековых не меньше твоего. Мы все люто их ненавидим. Но сейчас не время начинать войну. Наш город и так поделен на части, которыми владеют иностранцы.

Прошла секунда.

- По-твоему, я глуп?

Тайлер не понял смысла ее слов и оскорбился. Ее кузен имел стальную кожу и стеклянное сердце. Он потерял родителей в слишком раннем возрасте, и с той поры стал себя вести как своего рода анархист - самоуверенный, громкий,

сумасбродный. А поскольку рыбак рыбака видит издалека, его друзьями становились те, кто болтался без дела, надеясь примазаться к Цаям. Рядом с ним все ходили на цыпочках и поддакивали ему, так что он уверовал, что с легкостью отразит любой удар. Однако правда в том, что если внезапно лягнуть его в живот, он сразу сдуется.

– По-моему, в защите наших доходов от чужаков нет ничего глупого, – продолжил он. – Мы должны вернуть себе свое, то, что прибрали к рукам эти русские...

Проблема заключалась в том, что, по мнению Тайлера, прав всегда бывал только он сам. Жаль, что она не может заставить себя перестать искать в нем изъяны. Ведь он, как и она, желает Алой банде процветания. Вот только источником процветания он считает себя самого.

Джульетта не желала слушать его дальше и, бесцеремонно повернувшись к нему спиной, пошла прочь. Вдруг кузен сжал ее запястье.

– Какая из тебя наследница?

Он впечатал ее в стену и, зажав в кулаке ее левый рукав, локтем другой руки угрожающе надавил на ее ключицу.

– Пусти, – прошипела Джульетта, отталкивая его.

Но он продолжал прижимать ее к стене.

– Ты должна прежде всего заботиться об Алой банде. О наших людях.

– Не наглей...

– Знаешь, что я думаю? – Тайлер шумно втянул носом воздух, и на лице его отразилось отвращение. – До меня доходили разные слухи. По-моему, ты вовсе не испытываешь ненависти к Монтековым. По-моему, ты пытаешься защитить Рому Монтекова.

Джульетта замерла. Нет, ее охватил не страх, как того хотел Тайлер, а гнев, лютый гнев. Она больше никогда не станет защищать Рому Монтекова, скорее, она разорвет его на куски.

Резко вскинув правую руку, она сжала кулак и всадила его в скулу своего кузена. Он потрясенно заморгал, отпустил ее и уставился на нее с ненавистью. На его скуле алела рана – там, где сверкающий перстень Джульетты рассек кожу.

Но этого мало.

– Защитить Рому Монтекова? – повторила она.

Тайлер застыл. Прежде чем он успел отступить хоть на шаг, Джульетта выхватила из кармана раскладной нож, прижала острие к ране на щеке и зло прошипела:

– Мы с тобой больше не дети, Тайлер. И если тебе вздумалось угрожать мне, выдвигая оскорбительные обвинения, то придется за это ответить.

Он тихо рассмеялся.

– Это как же? Ты прикончишь меня прямо здесь, в этом коридоре? В десяти шагах от остальных?

Джульетта надавила на нож и вонзила острие в плоть. По щеке ее кузена потекла кровь, стекла в ее ладонь и побежала по предплечью.

Тайлер перестал смеяться.

– Это я наследница Алой банды, – рявкнула она. – И поверь мне, tang d?, я скорее убью тебя, чем позволю забрать ее у меня.

Она оттолкнула Тайлера, и красный от крови нож вышел из его щеки. Он больше ничего не говорил, просто стоял, вперив в нее непонимающий взгляд.

Джульетта повернулась, и, оставляя своими высокими каблуками следы на ковре, пошла прочь.

Глава четыре

– Тут ничего нет.

Злясь, Роман Монтеков продолжал свои поиски, ощупывая щели между досками настила.

– Заткнись. Продолжай искать.

Они так ничего и не нашли, но солнце стояло еще высоко, и его лучи отражались от волн, тихо плещущихся у самого края деревянного настила, слепя глаза. Мутные желто-зеленые воды реки были у Ромы за спиной, так что он успешно избегал слепящих отблесков, однако он не мог так же легко избавиться от назойливого голоса, бубнящего у него за спиной.

– Рома, Рома-а. Рома...

– Ну, что тебе, мудака? Что там?

Роме совсем не улыбалось возвращаться домой, так и не найдя чего-нибудь такого, что можно будет предъявить его отцу. Он содрогнулся от этой мысли, представив нескрываемое разочарование, которым будет наполнено каждое слово его отца.

– Ты же справишься с этим, не так ли? – спросил сегодня утром отец, хлопнув Рому по плечу. Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что этим жестом он хотел подбодрить сына, но в действительности удар его ладони был так силен, что на плече у Ромы, наверное, до сих пор виден красный след.

– Не подведи меня на этот раз, сын, – прошептал его отец.

Он всегда использовал это слово. Сын. Как будто оно что-то значило. Как будто место Ромы не занимал теперь Дмитрий Воронин; конечно, господин Монтеков не называл его сыном, но всячески выделял его – а ему, Роме, поручал только те дела, заниматься которыми Дмитрию бывало недосуг. И нынешнее поручение отец дал ему отнюдь не потому, что так уж ему доверял. А потому, что теперь их головной болью была не только Алая банда: иностранцы пытались выдавить Белые цветы с их законного места главного противника Алых, потому что коммунисты не оставляли попыток вербовать себе сторонников в их рядах. Пока Рома корячился здесь, ища зацепки, господин Монтеков и Дмитрий вели дела с политиками и давали отпор непрерывным поползновениям англичан, американцев и французов, которые жаждали урвать себе кусок этого сладкого пирога – Поднебесной – и особенно рвались завладеть расположенным у моря Шанхааем.

Когда его отец в последний раз посылал сына на территорию Алой банды, как сделал это минувшей ночью, когда повел себя с ним как с настоящим наследником, который должен изучить врага? И дело не в том, что господин Монтеков хотел уберечь его от кровной вражды – те времена давно прошли. Просто его отец не доверял ему, не доверял совсем. И дал ему это поручение как последний шанс доказать свою ценность.

Из задумчивости его вывел стон, прозвучавший за его спиной.

– Знаешь, что, – рявкнул он, повернувшись и заслонив глаза от солнца, отражающегося в реке, – ты сам вызвался пойти сюда.

Маршал Сео только ухмыльнулся в ответ, довольный тем, что ему наконец удалось привлечь внимание Ромы. Вместо того чтобы съязвить, он сунул руки в карманы своих аккуратно отглаженных брюк и небрежно сменил тему, перейдя при этом с русского на быстрый корейский. Рома сумел уловить несколько слов: «крови», «неприятно» и «полиция», – но все остальное осталось непонятным из-за того, что в детстве он слишком часто прогуливал уроки.

– Марш, тебе придется сменить язык, – перебил он. – Сегодня мой мозг не может настроиться на перевод.

Но Маршал продолжал в том же духе. При этом он неистово жестикулировал, размахивая руками так же быстро, как и говорил, склеивая слова и слоги, пока

Рома окончательно не перестал понимать, продолжает ли он болтать на своем родном языке или несет какую-то тарабарщину, чтобы выразить досаду.

– Суть этой его речи сводится к тому, что тут воняет рыбой, – сказал третий участник их группы, Веня – Венедикт Монтеков, – и голос его прозвучал тихо и устало, – но тебе лучше не знать, с чем он сравнивает эту вонь.

Венедикт приходился Роме двоюродным братом и был последним членом их дружеского трио в Белых цветах. Обычно светловолосого Венедикта можно было увидеть рядом с черноволосым Маршалом, когда они вместе думали над тем, как помочь Роме выполнить очередное поручение его отца. Сейчас он осматривал штабель ящиков, такой же высокий, как и он сам, и был так сосредоточен, что стоял неподвижно, двигались только его глаза.

Рома сложил руки на груди.

– Хорошо, что тут пахнет рыбой, а не разлагающимися мертвецами.

Его кузен фыркнул – но больше ничего. В этом был весь Венедикт. Казалось, в нем все время кипит еле сдерживаемый гнев из-за каких-то обид, но этот гнев никогда не вырывался наружу. Те, кто работал на улицах, называли его разбавленной версией самого Ромы, с чем Венедикт не спорил только потому, что эта параллель с Ромой, пусть даже несколько уничижительная, помогала ему чувствовать себя более важной фигурой. Те, кто хорошо его знал, говаривали, что у него два мозга и два сердца. Он всегда злился, но неизменно подавлял эту злость – и походил на гранату с небольшим зарядом, в которую он сразу же вставлял чеку, едва лишь кто-то пытался выдернуть ее.

Маршалу такой самоконтроль был неведом. Он имел взрывной нрав. Наконец-то завершив свою темпераментную речь, он резко опустился на корточки у самой воды. Маршал всегда двигался стремительно, словно куда-то спешил. После того как он оказался замешан в скандале, в котором фигурировали еще один парень и темная кладовка, он научился бить первым и делать это быстро, а на преследующие его толки отвечал широкой улыбкой. Если его крутой нрав и жестокость станут известны, никто не выбьет его из седла, никто не посмеет судить его из опасения, как бы Маршал не приставил к их горлу нож.

– Рома.

Веня поманил его рукой, и Рома тут же подошел к своему кузену, надеясь, что тот что-то нашел. После вчерашней ночи трупы увезли и поместили в морг местной больницы для хранения, но место преступления и следы крови никто не трогал. Рома, Маршал и Венедикт должны были выяснить, почему пятеро их людей, один Алый и полицейский-англичанин, разодрали себе горло, вот только здесь, в том месте, где эти семеро погибли, не было никаких зацепок, никаких подсказок, а потому казалось, что из попытки расследования ничего не выйдет.

- Что у тебя? - спросил Рома. - Ты что-то нашел?

Венедикт поднял глаза.

- Нет.

Рома приуныл.

- Мы уже два раза обыскали здесь все, - сказал Венедикт. - Думаю, больше искать нечего - мы ничего не могли пропустить.

Что еще они могут сделать, чтобы понять, что вызвало это помешательство, этот массовый психоз? Нет никаких очевидцев, которым можно было бы задать вопросы, никаких улик. Если виновника нет, если такую жуткую вещь жертвы сотворили с собой сами, то как же найти ответы?

Маршал, сидящий на корточках у воды, с досадой вздохнул, упершись локтем в колено и положив подбородок на кулак.

- А ты не слышал о еще одном таком случае? О том, который вроде бы произошел сегодня ночью? - спросил он, перейдя на китайский. - Ходят кое-какие толки, но ничего определенного я пока не узнал.

Невольно скорчив гримасу, Рома ответил:

- Это правда. Я был там и все видел сам.

– О, отлично! – Маршал вскочил и захлопал в ладоши. – То есть для погибшего это, разумеется, не отлично, а плохо, но в остальном отлично! Давайте вместо этих бесплодных поисков отправимся туда, где это произошло, и будем надеяться, что там мы узнаем больше, чем на этом вонючем...

– Это невозможно, – перебил его Рома. – Это случилось на территории Алых.

Маршал перестал жестикулировать, и у него вытянулось лицо. А Венедикт посмотрел на своего кузена с любопытством.

– А как ты оказался на территории Алых? – спросил он. И, хотя он не добавил: «Не взяв с собой нас», – было ясно, что он имеет это в виду.

– Мой отец послал меня туда, чтобы получить ответы у Алых, – ответил Рома. Однако это была всего лишь полуправда. На самом деле господин Монтеков просто приказал сыну выяснить, что известно Алым, и взмахом руки отослал его прочь. Появление в кабаре было целиком инициативой Ромы.

Венедикт выгнул бровь.

– Ну и как, ты получил ответы?

– Нет. – Рома отвел глаза. – Джульетта ничего не знала.

Относительную тишину этого прибрежного района внезапно огласил громкий треск – это Веня, удивленно взмахнув рукой, случайно задел штабель ящиков, и верхний свалился на землю и разбился на куски.

– Джульетта? – воскликнул Венедикт.

– Джульетта вернулась? – подхватил Маршал.

Рома молчал, оглядывая берег. У него болела голова, и эта боль усиливалась всякий раз, когда он начинал вспоминать. Ему больно было даже произносить ее имя. Джульетта.

Он познакомился с ней именно здесь. Пока мимо торопливо сновали портовые рабочие с торчащими из карманов засаленными платками, которые они время от времени доставали, чтобы вытереть с рук и лиц грязь, они у всех на глазах играли здесь в шарики почти каждый день.

Рома заставил себя выкинуть эти картины из головы. Двое его друзей не знали, что именно происходило тогда, но знали – что-то было. Им было известно, что поначалу отец Ромы доверял ему безоглядно, как только можно доверять сыну, но потом вдруг начал смотреть на него с подозрением, как на врага. Рома помнил, как другие пялились на него, как переглядывались, когда господин Монтеков разговаривал, не обращая ни малейшего внимания на то, что одновременно с ним говорит его сын, и вел себя так, будто Ромы тут вообще нет, или как он оскорблял его и отвечивал подзатыльники за любой пустяк. Эту перемену почувствовали все Белые цветы, однако никто так и не отважился заговорить об этом. Это принимали молча, удивлялись, зная, что обсуждать отношения отца и сына нельзя. Сам Рома тоже никогда не упоминал об этом. Ему приходилось мириться с неприязнью отца, поскольку, если бы он начал открытую конфронтацию, все стало бы только хуже. Четыре года он балансировал, словно шел по канату. И, если он не побежит быстрее, чем от него требуют, он не потеряет равновесие, ходя по канату над головами остальных Белых цветов.

– Джульетта вернулась, – тихо подтвердил он. Его кулаки сжались, горло тоже. Он сделал вдох и с трудом выдохнул из-за того, как сдавило грудь.

Все те чудовищные рассказы о ней, которые он слышал, все те рассказы, которые внушали ужас жителям, не находящимся под покровительством Алых, – он надеялся, что все это ложь, что это всего лишь пропаганда, ведущаяся, чтобы укрепить в своем желании тех, мечтает напасть на Джульетту Цай. Но сегодня ночью он увидел ее – увидел впервые за последние четыре года. Он посмотрел в глаза Джульетты и понял, что эти рассказы правдивы.

Она убийца. Жестокая. Беспощадная. Все это и даже больше, хуже – именно такой она была сейчас.

Он оплакивал ее. Не хотел оплакивать, но оплакивал – ему было больно сознавать, что их нежная юность осталась в прошлом, ушла навсегда, что Джульетта, которую он знал, давно умерла. И еще больнее становилось от того, что он понимал – хотя это он нанес ей смертельный удар, все эти четыре года он

думал о ней, думал о той Джульетте, чей смех когда-то звенел на этом берегу. Ее призрак преследовал его. Он похоронил Джульетту, как под половицами хоронят труп, довольствуясь призраками минувшего, приходящими во снах. И теперь, когда он увидел ее вновь, у него было такое чувство, будто труп, похороненный под половицами, не только воскрес, но и приставил к его голове пистолет.

– Эй, что это?

Венедикт оттолкнул ногой кусок разбившегося ящика и подобрал что-то с земли. Приблизив ладонь к глазам, он гадливо вскрикнул и стряхнул с нее что-то, похожее на пыль. Рома опустился на одно колено, сюда же поспешил и Маршал и оба, недоуменно прищурившись, уставились на то, что нашел Венедикт. Прошла минута, прежде чем кто-то из них заговорил.

– Это что... дохлые насекомые? – спросил Маршал и почесал подбородок, не понимая, как эти мелкие существа попали в ящик. Они не были похожи ни на одно из тех насекомых, которых им троим доводилось видеть прежде. Да, у каждого из этих существ имелись голова, грудь, брюшко и шесть ног, но они были странными – размером с ноготь ребенка и черными, как смоль.

– Марш, проверь остальные ящики, – велел Рома. – Венедикт, дай мне твою сумку.

Состроив гримасу, Венедикт протянул ему свою наплечную сумку, с отвращением глядя на то, как Рома подбирает насекомых и кладет их в сумку, к альбомам и карандашам. Но другого выхода не было – Роме надо было сохранить этих тварей для дальнейшего изучения.

– Тут ничего нет, – сообщил Маршал, оторвав крышку со второго ящика. Затем сделал то же самое и с остальными. Он потряс каждый ящик, шлепая его по дну, но ни в одном из них не оказалось насекомых.

Рома поднял взгляд.

– Этот ящик стоял на самом верху, – заметил он. – И до того, как ты опрокинул его, он был открыт, не так ли?

Венедикт нахмурился.

- Вроде бы да, - ответил он. - Эти насекомые могли заползти в него...

Из-за угла вдруг донеслись голоса, говорящие по-китайски, от неожиданности Рома вздрогнул и уронил сумку Венедикта. Повернувшись, он посмотрел в расширившиеся глаза своего кузена, затем взглянул на третьего товарища, который уже встал в боевую стойку.

- Алые? - спросил Маршал.

- Нам лучше не пытаться это проверить, - бросил Венедикт и с силой толкнул Маршала в спину. Тот зашатался и с тихим плеском свалился в воду. Не успел Рома запротестовать, как его двоюродный брат налетел и на него, и они оба очутились в реке Хуанпу до того, как обладатели веселых голосов завернули за угол и ступили на дощатый тротуар.

Над головой Ромы сомкнулась темная вода, пронизанная там и сям пятнами солнечного света. Его сердце громко колотилось, он молотил руками и ногами, не понимая, опускается ли он на дно, или, наоборот, всплывает. И куда обращено его лицо - вверх или вниз? А что, если он так и утонет, так и останется в этой реке, и его тело никогда не найдут?

Его лицо задела чья-то рука, и он открыл глаза. Рядом с ним плавал Венедикт, и его короткие, вставшие торчком волосы колыхались в воде. Он прижал палец к губам, затем схватил Рому за предплечье и поплыл, пока они оба не оказались под дощатым настилом причала. Маршал уже был здесь и плавал, дыша в узком зазоре между поверхностью воды и досками. Рома и Венедикт, стараясь дышать как можно тише, прислушались к голосам. Алые болтали о том, как они избили до полусмерти одного из Белых цветов, который смог сбежать только потому, что мимо проходила группа полицейских. Никто из членов банды соперников не остановился и не заметил сумку, которую Рома уронил на настил, - они были слишком возбуждены недавней дракой и тем, что им удалось унижить одного из своих врагов. Какое-то время их голоса звучали громко, затем начали удаляться, они ведь не догадывались, что в воде прямо под их ногами прячутся еще трое Белых цветов.

Едва они ушли, Маршал хлопнул Венедикта по голове.

– Зачем ты толкнул меня в воду? – сердито пробормотал он. – Ты слышал, о чем они болтали? Мы могли бы разобраться с ними. А теперь я весь промок.

Пока Венедикт и Маршал спорили, Рома оглядывал нижнюю часть настила. В ярком свете, проникающем в щели между досками, были видны прилипшие к ним плесень и грязь. Но что это? Рядом с ними плавал башмак, ударяясь о доски.

Рома узнал его.

– Черт возьми! – воскликнул он и, подплыв к ботинку, вытащил его из воды и торжествующе потряс им. – Вы понимаете, что это значит?

Маршал с недоумением уставился на башмак.

– Что в реке Хуанпу плавает слишком много всякой дряни?

Венедикт, которому, видимо, надоело плавать в грязи, скопившейся под настилом, выплыл наружу, за ним последовал Маршал, и Рома, вдруг вспомнив, что им больше нет нужды прятаться, поспешно сделал то же самое – подтянувшись, вскарабкался на доски и встал.

– Этот башмак, – сказал он, – принадлежал тому малому, который умер на территории Алых. Значит, он побывал и здесь. – Схватив сумку Венедикта, он сунул туда башмак. – Пошли. Я знаю, куда...

– погоди, – перебил его Маршал, вглядываясь в поверхность воды. – Ты... ты это видел?

Рома посмотрел на реку, но увидел только слепящее солнце, отражающееся в мелких волнах.

– Ты что, шутишь, валяешь дурака? – спросил он.

Маршал повернулся к нему, и лицо его было таким серьезным, что Рома понял – это не шутка.

- Мне показалось, что там, в воде, были глаза.

Рома стиснул сумку, обеими руками прижав ее к себе.

- Где? - спросил он.

- Это случилось очень быстро, - ответил Маршал, пытаясь выжать воду из волос. - Если честно, это мог быть просто солнечный свет.

- Но ты вроде был уверен, что видел глаза.

- Но откуда там могли взяться глаза...

Венедикт кашлянул, и остальные повернулись к нему.

- Вы же слышали, что говорят люди?

Реакция была мгновенной.

- Гоэ-мул, - прошептал Маршал, а Рома пробормотал:

- Чудовище.

Венедикт кивнул. Рома, стряхнув с себя оцепенение, махнул своим друзьям рукой.

- Да ладно, неужели ты веришь этой болтовне о том, что в городе завелось чудовище? Все, ребята, пошли.

Рома шел быстро, петляя между торговыми палатками и не обращая внимания на уличных разносчиков, которые то и дело хватали его за рукава, расхваливая свой товар. Венедикт и Маршал едва поспевали за ним, время от времени недоуменно переглядываясь и гадая, куда он направляется с таким решительным видом, обеими руками прижимая к себе сумку сдохшими насекомыми.

– Сюда, – сказал он наконец, остановившись перед лабораториями Белых цветов и тяжело дыша. Венедикт натолкнулся на Маршала, и они оба тоже остановились как вкопанные. К этому времени все трое уже успели почти полностью просохнуть.

– Ты меня толкнул, – пожаловался Маршал.

– Извини, – ответил Венедикт. – Я едва не поскользнулся на этой штуке. – Он подобрал листовку, отвалившуюся от столба. Обычно на таких листовках рекламировали услуги по перевозке грузов или сдающиеся квартиры, но на этом огромными иероглифами было написано: «СПАСИ СЕБЯ ОТ ПОМЕШАТЕЛЬСТВА. СДЕЛАЙ ПРИВИВКУ».

– Дай сюда, – сказал Рома и, когда Венедикт отдал бумагу ему, сложил ее и спрятал в карман. – Пошли.

Быстро войдя в здание, он двинулся по коридору, одну за другой открывая двери лабораторий. Вообще-то при входе в здание полагалось надевать белый лабораторный халат, но никто из здешнего персонала ни разу не посмел сделать ему замечание, и молодые научные сотрудники, работающие на банду Белых цветов, обычно даже не поднимали глаз, когда Рома раз в месяц являлся сюда. Они привыкли видеть его здесь и не докучали ему, и старший над ними, Лауренс, тоже никогда не упрекал его за то, что он не надевает халат. Впрочем, разве кому-то придет в голову делать выговор наследнику Белых цветов? Ведь его отец, как-никак, платит им зарплату.

– Лауренс? – позвал Рома. – Лауренс, ты где?

– Я тут, наверху, – донесся со второго этажа низкий бас Лауренса, говорящего по-русски с русским акцентом. Он стоял на лестничной площадке и махал рукой. Рома взбежал по лестнице, перескакивая через ступеньки, за ним торопливо следовали Маршал и Венедикт.

Лауренс посмотрел на них и нахмурил свои густые седые брови. Он не привык видеть здесь сразу столько гостей, обычно Рома являлся сюда один. При этом он всякий раз втягивал голову в плечи, как будто, съежившись, мог каким-то образом избавиться от неловкости, когда приходил за ежемесячным отчетом о ходе работ над субстанциями, выходящими из этих стен.

В этом научном центре официально работали над производством современных лекарств, но это была только вывеска. В действительности же здесь перерабатывали опиум и изготавливали из него более совершенные наркотические вещества, еще быстрее вызывающие зависимость.

Затем Белые цветы отправят эти наркотики по назначению, получат за них деньги, и жизнь пойдет своим чередом. Это было не гуманитарное предприятие, а бизнес, делающий жизнь бедняков еще более тяжелой и помогающий богатым роскошествовать и приумножать свой капитал.

– Сегодня я тебя не ждал, – заметил Лауренс, поглаживая свою клочковатую бородку. – Мы еще не закончили работу над нынешней партией.

Рома поморщился. Когда-нибудь он привыкнет к тому, как спокойно здешние сотрудники относятся к своей работе. Ведь работа есть работа.

– Я здесь не из-за наркотиков. Мне от вас нужно экспертное заключение.

Пока Рома торопливо входил в кабинет Лауренса и сдвигал в сторону бумаги на его рабочем столе, Маршал воспользовался случаем, чтобы представиться.

– Маршал Сео, рад знакомству. – Он протянул Лауренсу руку и отвесил легкий поклон, довольный тем, что к длинному списку его знакомых добавилось еще одно лицо.

Лауренс, двигаясь с заметным трудом, пожал его руку. Вид у него при этом был настороженный. Затем он перевел взгляд на Венедикта, и тот тоже протянул руку, сделав это довольно вяло.

– Венедикт Иванович Монтеков, – представился он. В его голосе сквозило раздражение, а бегающие глаза остановились на насекомых, которых Рома раскладывал на столе, корча гримасы, пока его пальцы отделяли букашек друг от друга.

Лауренс глубокомысленно хмыкнул и ткнул пальцем в Рома.

– Твое отчество вроде бы тоже «Иванович», да?

Рома оторвал взгляд от насекомых и посмотрел на ученого.

– Лауренс, моего отца зовут не Иван. И вы это знаете.

– Я не могу вспомнить твое отчество, хоть тресни, – пробормотал Лауренс. – Должно быть, это возраст. Николаевич? Сергеевич? Мих...

– Не могли бы вы просто посмотреть вот на это? – перебил его Рома.

– Ага. – Лауренс повернулся к своему столу. И, не заботясь о гигиене и озадаченно моргая, коснулся пальцем одного из мелких черных существ. – Что это?

– Мы обнаружили этих насекомых на месте, где погибли люди. – Рома сложил дрожащие руки на груди. – Восемь человек сошли с ума и разодрали себе горло.

Лауренс и глазом не моргнул, только пару раз дернул себя за бороду и свел кустистые брови.

– И ты полагаешь, что сделать это их заставили эти самые букашки?

Рома переглянулся с Венедиктом и Маршалом. Они пожали плечами.

– Не знаю, – сказал он. – Я надеялся, что на этот вопрос мне сможете ответить вы. Ума не приложу, почему еще на месте их гибели могли оказаться насекомые. Единственная альтернативная версия состоит в том, что из реки Хуанпу выплыло какое-то чудовище, появление которого и свело их всех с ума.

Лауренс вздохнул. Если бы перед ним был кто-то другой, Рома, возможно, ощутил бы досаду, решив, что его слова не восприняты всерьез. Но Лауренс ван Дайк вздыхал постоянно – когда заваривал себе чай, когда разрезал конверты. Для него это было обычным делом.

Лауренс опять дотронулся до насекомого. Но на сей раз тут же отдернул палец.

– Ага. Это интересно.

– Что там? Что вам интересно?

Лауренс, ничего не ответив, зашаркал к шкафу, окинул его взглядом, затем пробормотал что-то по-голландски. И, только взяв с полки красную зажигалку, сказал:

– Я тебе покажу.

Венедикт скорчил недовольную гримасу и молча взмахнул рукой.

– Что это с ним? – беззвучно шевеля губами, произнес он.

– Пусть развлекается, – так же беззвучно ответил Маршал.

Лауренс приковылял обратно и, достав из ящика стола чашку петри, осторожно взял три дохлых насекомых и одного за другим положил жуков на ее дно.

– Может, вам стоило бы надеть перчатки? – предложил Венедикт.

– Тише, молодой человек. Вы не заметили, да?

Венедикт снова поморщился, будто жевал лимон. Рома подавил невольную улыбку и предостерегающе сжал локоть кузена.

– Не заметили чего? – спросил Роман, когда убедился, что Веня будет держать свое недовольство при себе.

Лауренс, держа в руке чашку петри с тремя насекомыми, отошел от стола шагов на десять.

– Идите сюда.

Рома, Веня и Маршал последовали за ним и стали смотреть, как он высек пламя и поднес его к насекомому, лежащему в середине. Оно скукожилось.

Но что это? Два жука, лежащие справа и слева, тоже загорелись, скукоживаясь и светясь. По мере того как насекомое в середине сгорало, все больше и больше сворачиваясь, то же самое происходило и с другими двумя.

- Мощная у вас зажигалка, - заметил Маршал.

Лоуренс погасил пламя. Затем, демонстрируя такую прыть, какой Рома еще никогда за ним не наблюдал, быстро подошел к столу, держа чашку петри над остальными насекомыми, которых на столешнице было не меньше двух десятков.

- Дело не в зажигалке, мой мальчик.

Он опять высек огонек. На сей раз, когда насекомое, к которому он поднес пламя, начало гореть и скукоживаться, то же самое стало происходить и с остальными насекомыми на столе - резко, сразу, так что Роме на секунду показалось, что они разом ожили.

Веня отшатнулся. Маршал прижал руку ко рту.

- Как такое возможно? - изумился Рома.

- Главное здесь - это то, что они находятся близко друг от друга, - ответил Лоуренс. - Даже после смерти поведение каждого из них определяется поведением других, находящихся рядом. Возможно, у них нет своей воли. Возможно, они действуют как единое целое - все такие насекомые, которые остаются живы.

- Что это значит? - продолжал выпытывать Рома. - Это они виноваты в смерти тех семерых?

- Возможно, но сказать наверняка нельзя. - Лоуренс поставил чашку петри на стол и потер глаза. Похоже, он колебался, чего прежде Рома никогда за ним не замечал - и от этого ему стало не по себе. До сих пор старый ученый всегда прямо говорил, что думал, насколько не заботясь о том, как это может прозвучать.

– Давайте, выкладывайте, – сказал Веня.

Лауренс тяжело вздохнул.

– Эти существа не естественного происхождения, – заключил он. – Чем бы они ни были, их сотворил не Бог.

И, когда Лауренс осенил себя крестным знаменем, до Румы дошло – они имеют дело с чем-то потусторонним, с чем-то страшным.

Глава пять

В окно спальни Джульетты лился свет полуденного солнца. Однако день сегодня выдался холодный, и прохлада заставляла розы в саду немного вытянуться, стать прямее, чтобы не потерять ни капли света и тепла, просачивающихся сквозь облака.

– Тайлер невыносим. – Джульетта кипела от ярости, ходя по комнате взад и вперед. – Кем он себя возомнил? Он что, вел себя так все четыре года? Пытался командовать и всеми помыкать?

Розалинда и Кэтлин сидели на кровати Джульетты, и Розалинда заплетала косы своей сестре. Они обе скорчили гримасы, что было равносильно утвердительному ответу.

– Знаешь, Тайлер не имеет реального влияния среди наших, – сказала Кэтлин. – Так что не беспокойся... ой, Розалинда, полегче!

– Перестань ерзать, и тогда мне, возможно, не придется так сильно тянуть, – спокойно ответила Розалинда. – Ты хочешь иметь две одинаковых и аккуратных косы или предпочитаешь, чтобы они выглядели криво?

Кэтлин сложила руки на груди и фыркнула, похоже, начисто позабыв о том, что она хотела сказать Джульетте.

– Подожди, пока я не научусь сама заплетать себе косы. Тогда у тебя больше не будет надо мной власти.

– Ты отращиваешь волосы уже пять лет, m?imeі. Просто признай, что я прекрасно умею заплетать косы.

За дверью спальни послышался неясный шум. Джульетта сдвинула брови, прислушиваясь, пока Кэтлин и Розалинда продолжали болтать, будто ничего не слыша.

– Конечно, умеешь, не то что я. Пока ты училась следить за собой, наводить красоту и вести себя как положено настоящей даме, меня учили правильно бить по мячу для гольфа и напористо пожимать руки.

– Я знаю, что твои наставники были узколобыми придурками. И сейчас просто говорю тебе: перестань ерзать...

– Тише, – прошептала Джульетта, приложив палец к губам. Это был звук шагов. Но сейчас шаги стихли – возможно, тот, кто стоит за дверью, в эту минуту прислушивается, надеясь уловить обрывки их беседы.

Большая часть особняков влиятельных людей Шанхая располагалась на Дороге Бурлящего Колодца в центре города, однако дом семьи Цай скромно притулился на окраине. Это объяснялось желанием быть подальше от недремлющих глаз заправляющих в городе иностранцев, однако, несмотря на свое странное местоположение, этот дом притягивал к себе Алых. Все, кто хоть что-то значил в их сообществе, в свое свободное время часто приходили сюда, несмотря на то что в центре города у Цаев имелось великое множество других домов поменьше.

Опять послышались шаги, на сей раз они удалялись. Наверное, это не так важно, если ежеминутно снующие по коридору служанки, дядюшки и тетушки пытаются подслушать – оставаясь втроем, Джульетта, Розалинда и Кэтлин всегда переходили на быстрый английский, и в доме лишь очень немногие были способны их понять. Однако это не могло не раздражать.

– Думаю, он ушел, – помолчав, сказала Кэтлин. – Кстати, перед тем как Розалинда меня отвлекла, – она устремила на сестру притворно-сердитый взгляд, – я хотела сказать, что Тайлер просто зануда, только и всего. Пусть

болтает, что хочет. Алая банда достаточно сильна, чтобы его переварить.

Джульетта тяжело вздохнула.

– Я все равно беспокоюсь. – Она подошла к дверям балкона, прижала пальцы к стеклу, потом отняла их, и на поверхности образовались пять пятен. – Мы не берем это на карандаш, но список наших потерь растет. А теперь, когда начался этот странный психоз, кто знает, как скоро у нас окажется слишком мало людей.

– Этому не бывать, – успокоила ее Розалинда, закончив заплетать косы сестры. – Мы держим Шанхай в кулаке...

– Мы держали Шанхай в кулаке, – перебила ее сестра. И, фыркнув, показала на карту, которую Джульетта расстелила на своем письменном столе. – Теперь Французскую концессию контролируют французы, в Международном квартале заправляют англичане, американцы и японцы. А мы боремся с Белыми цветами за контроль над всем остальным, что уже само по себе настоящий подвиг, если учесть, как мало районов осталось за китайцами...

– Ой, да перестань. – Розалинда застонала и сделала вид, будто с ней вот-вот случится обморок. Джульетта подавила смех, когда Розалинда приложила предплечье ко лбу и плюхнулась навзничь на кровать. – Ты просто наслушалась коммунистической пропаганды.

Кэтлин нахмурилась.

– Ничего подобного.

– Да ладно, признайся, что ты сочувствуешь коммунистам.

– Они правы, – сказала Кэтлин. – Наш город перестал быть китайским.

– Ну и что? – Розалинда дернула ногой, резко выкинув ее вперед, и таким образом помогла себе сесть. От этого движения завитые волосы упали ей на глаза. – Любая вооруженная сила в этом городе подчиняется либо Алой банде, либо Белым цветам. Вот в чьих руках власть. Сколько бы земли у нас ни отобрали иностранцы, самая могучая сила в Шанхае – это банды, а не белые

мужчины-иностранцы.

– Это пока белые мужчины-иностранцы не подтянули на поле боя свои собственные пушки, – пробормотала Джульетта. Отойдя от балкона, она подошла к своему туалетному столику и рассеянно провела пальцем по краю керамической вазы, стоящей рядом с ее косметическими принадлежностями. Раньше здесь стояла бело-синяя фарфоровая китайская ваза, но красные розы плохо сочетались с завитками ее орнамента и потому ее заменили вазой с западным узором.

Насколько было бы проще, если бы Алые выгнали иностранцев с помощью пуль и угроз, как только сюда приплыли их корабли. Даже сейчас бандиты могли объединить силы с изнуренными фабричными рабочими, чьим оружием был бойкот. Если бы Алая банда захотела, вместе они смогли бы задавить иностранцев... но Алая банда не желала этого делать, поскольку получала слишком большие барыши. Им нужны были иностранные инвестиции, нужна была эта экономика, эти потоки денег, вливающиеся в их карманы и держащие их на плаву.

Джульетте было больно об этом думать. В первый день после своего возвращения она остановилась перед воротами Городского сада, увидев табличку: «КИТАЙЦАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», – и рассмеялась. Как люди, находящиеся в здравом уме, могут запретить китайцам ходить куда-либо в их собственной стране? Лишь позже до нее дошло, что это не шутка. Иностранцы в самом деле считали, что у них достаточно власти для того, чтобы выделить какие-то территории исключительно для себя, полагая, что деньги, которые они вложили в новые парки и бары, оправдывают все.

Ради преходящих богатств китайцы позволяли иностранцам оставлять на своей земле неизгладимые следы, и иностранцы обживались здесь, располагаясь со все большим комфортом. Джульетта боялась, что однажды ситуация переменится и Алые обнаружат, что в новом порядке для них нет места.

– Что с тобой?

Джульетта встrepенулась и посмотрела на Розалинду в зеркале своего туалетного столика.

– О чем ты?

– У тебя сейчас был такой вид, будто ты планируешь убийство.

Прежде чем Джульетта успела ответить, раздался стук в дверь, и она повернулась. Это была одна из служанок, Али, она открыла дверь, но застыла на пороге, не желая входить. Никто из слуг и служанок не понимал, как нужно вести себя с Джульеттой. Она была слишком смелой, слишком дерзкой, она набралась западных привычек, и с ней они чувствовали себя неуютно. Из соображений практичности Цай раз в месяц заменяли весь штат своих слуг и потому мало что знали о них. Через месяц всех слуг и служанок ради их собственной безопасности выставляли за дверь, обрывая ниточки, которые связывали господина и госпожу Цай с новыми людьми.

– Хіаојіе, пришел посетитель. Он ждет внизу, – тихо сказала Али.

Так было не всегда. Когда-то, в первые пятнадцать лет жизни Джульетты, у них был постоянный штат слуг. Когда-то у Джульетты была няня, и перед сном она заботливо укрывала ее одеялом и рассказывала ей печальные сказки о пустынях и пышных зеленых лесах.

Джульетта взяла из вазы одну красную розу. Шипы на стебле тут же укололи ее, но она почти не почувствовала этих уколов, благодаря мозолям, защищающим ее кожу: все последние годы она последовательно избавлялась в себе от всего, что можно было бы назвать нежным.

Тогда, четыре года назад, она сначала не поняла. Она стояла на коленях в саду, обрезая розовые кусты в толстых перчатках, и ей было невдомек, почему земля вокруг содрогнулась, как будто ее сотряс взрыв.

Сначала раздался этот ужасный, оглушительный звук, а затем оттуда, где стоял домик для слуг, послышались крики, полные паники. Когда она поспешила туда, то увидела обломки. Оторванную ногу. Лужу крови. Кто-то стоял на пороге, когда обрушился потолок. Кто-то в платье, похожем на платье ее няни, за полы которого Джульетта дергала, будучи совсем маленькой, поскольку только до них и могла дотянуться, когда хотела привлечь ее внимание.

На дорожке, ведущей к домику для слуг, лежал один-единственный белый цветок. Когда Джульетта сняла перчатки и подобрала его, слыша звон в ушах и чувствуя, что ее разум оцепенел, ее пальцы нащупали записку. Она развернула ее и увидела надпись на русском.

Мой сын шлет поклон.

В тот день они отвезли в больницу столько мертвых тел. Цаи вели себя мирно, они решили ослабить накал старой вражды, причина которой была давно забыта, и вот к чему это привело – смерть явилась прямо к ним на порог. С тех пор члены Алой банды и Белые цветы начинали стрелять, едва завидев друг друга, они защищали свои владения так рьяно, будто от этого зависели их доброе имя и честь.

– Хiaojie?

Джульетта зажмурила глаза, уронила розу и провела похолодевшей ладонью по лицу, только с трудом ей удалось подавить воспоминания о том дне. Когда она открыла глаза, ее взгляд был пуст, безразличен и устремлен на ее ногти.

– И что с того? – сказала она. – Я не занимаюсь посетителями. Позови моих родителей.

Али прочистила горло и вцепилась в край своей блузки.

– Ваших родителей нет дома. Я могу позвать Цая Тайлея...

– Нет, – рявкнула Джульетта и сразу же пожалела о своем тоне, когда лицо служанки сделалось печальным. Из всех домашних слуг Али держалась с Джульеттой наименее настороженно. Она не заслуживает, чтобы с ней говорили так резко.

Джульетта попыталась изобразить на лице улыбку.

– Не беспокой Тайлера. Наверное, это просто Уолтер Декстер. Я спущусь.

Али почтительно наклонила голову и поспешила уйти, пока Джульетта не рассердилась снова. Джульетта подумала, что она, вероятно, создает у слуг неверное впечатление. Ради Алой банды она была готова на все. Она пеклась об их благополучии, политических интересах и союзах с торговыми фирмами и теми, кто вкладывал в их предприятия свой капитал.

Но ей не было дела до мелких дельцов вроде Уолтера Декстера, хотя сами они и мнили себя важными шишками. Она не хотела заниматься делами, от которых увиливал ее отец. Это совершенно не походило на ту беспощадную борьбу, к участию в которой ее, как она ожидала, будут привлекать, когда наконец призовут домой. Знай она, что господин Цай будет держать ее в стороне от кровной вражды и от идущих параллельно уличным сражениям политических битв, она, наверное, не бросилась бы паковать чемоданы и не вылила бы весь свой запас спиртного, когда покидала Нью-Йорк.

После взрыва, который унес жизнь ее няни, Джульетту отправили в Нью-Йорк ради ее собственной безопасности, и там ей пришлось прожить четыре долгих года с ощущением непроходящей злости. Она бы предпочла остаться и драться, а не отсиживаться где-то на другом краю земли. Джульетта Цай была не из тех, кто спасается бегством, но ее родители – как это часто бывает с родителями – заставили ее бежать от кровной вражды туда, где над ней не нависала угроза.

Но теперь она вернулась.

– Ну, вот, опять этот вид, – сказала Розалинда, когда Джульетта надела пиджак поверх своего отделанного бисером платья.

– Какой вид?

– Такой, будто ты замышляешь убийство, – пояснила Кэтлин, не поднимая глаз от журнала.

Джульетта закатила глаза.

– По-моему, такое выражение бывает у меня, когда я просто отдыхаю.

– Когда ты отдыхаешь, то выглядишь вот так. – Розалинда изобразила на лице самое идиотское выражение, какое только можно было себе представить, широко раскрыв глаза и разинув рот. В ответ Джульетта бросила в нее туфлю, от чего Кэтлин захихикала.

– Все, хватит. – Розалинда отбросила туфлю и оборвала смех. – Иди, займись своими делами.

Джульетта уже выходила. Идя по коридору второго этажа, она остановилась перед кабинетом отца, чтобы поправить одну из своих туфель на высоком каблуке, и застыла, услышав доносящиеся из-за двери голоса.

– Извините, – крикнула она, распахнув дверь ударом ноги. – Служанка сказала, что вас нет дома.

Ее родители одновременно подняли головы и заморгали. Ее мать стояла рядом с отцом, положив одну руку на лежащий перед ними документ.

– Слуги говорят то, что мы им велим, qin'?'i de, – ответила госпожа Цай и небрежно махнула рукой. – Разве тебе не надо принять посетителя?

Джульетта бросила на своих родителей испепеляющий взгляд, но они не смотрели на нее, а просто продолжили свой разговор, полагая, что она выйдет и отправится принимать посетителя. Она закрыла дверь.

– Мы уже потеряли из-за этого двух человек, и, если слухи правдивы, будут еще погибшие до того, как мы сможем определить, что вызывает эти смерти, – тихо сказала ее мать. Когда госпожа Цай говорила на шанхайском диалекте, ее голос звучал не так, как когда она пользовалась другим диалектом или другим языком. Сказать, в чем состоит отличие, было трудно, разве что в размеренности и спокойствии тона, даже если тема разговора могла вызвать шквал эмоций. Джульетта объясняла себе это тем, что шанхайский – родной язык ее матери.

Сама она уже точно не знала, какой язык для нее родной.

– Коммунисты вне себя от радости. Чжану Гутао даже больше не понадобится мегафон для того, чтобы вербовать новых сторонников. – Голос ее отца звучал

иначе, быстро и резко. Несмотря на то что Шанхайский диалект не включал мощных гортанных звуков, он ухитрялся делать свою речь грохочущей и глубокой. – Когда люди гибнут как мухи, предприятия перестают расти, и на фабриках начинается зреть революция. Деловая активность Шанхая замирает.

Джульетта скорчила гримасу и отошла от двери кабинета. Как бы ее отец ни распинаялся на эту тему в письмах, ее никогда особо не интересовало, кто сидит в правительстве, если это прямо не влияло на дела Алых. Ей была интересна только Алая банда и связанные с ней дела. А потому, когда она размышляла об этих делах, ее мысли неизменно обращались к Белым цветам, а отнюдь не к коммунистам. Но, если в этом помешательстве виновны коммунисты, как, похоже, подозревает ее отец, это значит, что у нее есть счеты и с ними. Ведь сейчас ее отец говорил не только о политике, но и об этих странных смертях. Возможно, одно вытекает из другого.

Вполне может случиться, что за помешательством стоят коммунисты, подумала Джульетта, спускаясь по лестнице на первый этаж.

Но как им это удалось? Да, гражданской войной никого не удивишь. В Китае политические неурядицы были куда более частым явлением, чем мир и покой. Но вырвать собственное горло? Это было не похоже на те войны, о которых знала Джульетта.

Оказавшись на первом этаже, она крикнула:

– Привет! Я уже здесь, и вы можете отвесить поклон!

Однако войдя в гостиную, она, к своему удивлению, увидела сидящего на одном из диванов незнакомца. Это был не тот надоедливый торговец-англичанин, но этот малый здорово походил на него, хотя был намного моложе, примерно того же возраста, что и она сама.

– Если вы не против, я воздержусь от поклона, – с улыбкой сказал он. И, встав на ноги, протянул ей руку. – Я Пол. Пол Декстер. Мой отец не смог явиться к вам сегодня сам и послал меня.

Джульетта проигнорировала его протянутую руку. У него дурные манеры, сразу же отметила она про себя. По правилам английского светского этикета

протянуть руку для пожатия первой могла только леди. Правда, ее не волновал принятый в Англии этикет, как не волновал и вопрос о том, что тамошнее высшее общество вкладывало в понятие «леди», но эти мелочи говорили о недостатке воспитания, что Джульетта и отметила про себя.

И ему все-таки следовало поклониться.

– Полагаю, вы пришли с тем же предложением, что и ваш отец? – спросила Джульетта, пригладив рукава.

– Да. – Пол Декстер убрал руку. На лице его играла улыбка, представляющая собой нечто среднее между улыбкой голливудской звезды и улыбкой усердного клоуна. – Мой отец просил заверить вас, что в нашем распоряжении имеется больше лерникрома, чем у любого другого торговца в этом городе. И вы нигде не найдете более низких цен.

Джульетта вздохнула, дожидаясь, пока через гостиную мимо них пройдут родственники. Господин Ли, поравнявшись с ней, добродушно хлопнул ее по плечу.

– Удачи, малышка.

Джульетта высунула язык. Господин Ли ухмыльнулся, сморщив при этом все лицо, затем протянул Джульетте маленький леденец в фантике. Она больше не была четырехлетней сладкоежкой, но все равно взяла леденец и положила его в рот.

– Присаживайтесь, мистер Декстер...

– Зовите меня Пол, – перебил ее он, снова сев на длинный диван. – Мы с вами принадлежим к новому поколению, мы люди современные, и мистер Декстер – это мой отец.

Джульетту чуть не стошнило. Вместо этого она прикусила леденец и плюхнулась в кресло, стоящее перпендикулярно дивану.

– Мы уже давно наблюдаем за Алыми с восхищением, – сказал Пол. – Мой отец очень надеется, что мы с вами станем партнерами.

Джульетту покорило панибратский тон, которым он заговорил об Алых. По-китайски название «Алая банда» звучало куда приятнее, чем по-английски. Они именовали себя ho2ng bang, произнося эти два слога слитно, так что получившийся звук походил на хлесткий удар бича, и те, кто не умел правильно обращаться с этим бичом, могли пострадать.

Как сейчас Пол Декстер.

– Я отвечу вам так же, как мы ответили вашему отцу, – сказала Джульетта и закинула ноги на подлокотник кресла, так что складки ее платья поползли вниз. Она наблюдала за тем, как брови Пола чуть заметно дернулись, когда материя соскользнула, обнажая ее длинное незагорелое бедро. – Мы не беремся за новые коммерческие дела. Нам хватает нынешних клиентов.

Пол сделал вид, что он разочарован. И подался вперед, словно считая, что, если он придвинется ближе, это поможет ему уговорить ее. Однако вместо этого он просто продемонстрировал ей комок помады, застрявший в его русых волосах.

– Да полно вам. Я слышал, что предприятие, конкурирующее с вами, возможно, могло бы встретить наше предложение с большим энтузиазмом...

– Тогда вам, вероятно, лучше попробовать обратиться к ним, – предложила Джульетта и резко опустила ноги. Он пытался убедить ее выслушать его, намекнув, что может вместо них обратиться к Белым цветам, но это было неважно. Уолтер Декстер был клиентом, с которым они не желали иметь дел. – Я рада, что мы смогли так быстро решить этот вопрос.

– Подождите, нельзя же...

– До свидания... – Джульетта сделала вид, будто не может вспомнить его имя. – Питер? Парис?

– Пол, – нахмурившись, подсказал он.

Джульетта приклеила к лицу улыбку наподобие той идиотской, которую недавно изобразила Розалинда. – Точно. Пока!

Вскочив на ноги, она проворно подошла к парадной двери и, взявшись за массивную ручку, открыла ее, желая как можно скорее отделаться от своего английского гостя. Надо отдать ему должное, Пол быстро пришел в себя. И, подойдя к двери, поклонился. Наконец-то хоть какое-то проявление учтивости.

Выйдя на крыльцо, он опять повернулся лицом к Джульетте.

– Вы позволите мне одну просьбу, мисс Кай?

– Я вам уже сказала...

Пол улыбнулся.

– Могу ли я увидеть вас еще раз?

– Нет. – Джульетта захлопнула дверь.

Глава шесть

Этот день у Ромы не задался.

За первый час после того, как он встал с постели, он успел споткнуться на лестнице, разбив свою любимую кружку с любимым травяным чаем, и ударился бедром о край обеденного стола, заработав синяк. Затем ему пришлось осматривать место, где погибли пятеро Белых цветов, после узнать, что их гибель, возможно, вызвана чем-то потусторонним.

Тащась обратно в центральную часть города под лучами послеполуденного солнца, он чувствовал, что терпению его скоро настанет конец. Каждый звук парового свистка напоминал ему сердитый рык его отца, каждый стук мясницкого топора походил на выстрел.

Обычно Рома с удовольствием вливался в толпу около дома. Нередко он намеренно делал крюк и петлял между торговыми палатками, разглядывая груды овощей, более высокие, чем сами продавцы, или смотрел на рыб в их тесных грязных лоханях. Если ему некуда было спешить, он покупал сладости у каждого из продавцов, тут же съедал их и уходил с рынка, полностью опустошив карманы.

Он любил этот рынок, но сегодня он только раздражал его.

Он шел, подныривая под веревки с бельем, натянутые поперек узкого переулка, ведущего к дому. На мостовую лилась вода, образуя лужи – прозрачные, если она стекала с мокрого платья, темная и грязная, если она вытекала из-под трубы, установленной кое-как.

Чем ближе к центру Шанхая, тем это становилось заметнее. Складывалось впечатление, что дома здесь построил какой-то способный, но ленивый архитектор, сотворивший невероятную красоту, которая, однако, обрывается резко, вдруг. В беднейших частях Шанхая всегда не хватало места, средства на строительство то и дело заканчивались до завершения всех работ. Трубы всегда оказывались немного коротки, водостоки всегда бывали закрыты только наполовину, тротуары внезапно заканчивались. Дом, стоящий напротив резиденции Монтековых, находился так близко, что при желании Рома мог бы из своего окна на четвертом этаже дотянуться до его открытых ставней. Он мог бы даже перескочить туда, напугав старика, который жил в тамошней квартире.

Вообще-то там, где он жил раньше, было просторнее. За городом было много земли, не имеющей отношения ни к Французскому кварталу, ни к Международному кварталу. Но штаб-квартира Белых цветов находилась рядом с Французской концессией, и они были полны решимости и дальше оставаться именно здесь. Монтековы жили здесь с тех пор, как из России эмигрировал дед Ромы. Иностранцы начали занимать соседние участки только недавно, когда почувствовали свою власть. Время от времени французы досаждали Белым цветам, пытаясь вступать в их дела и контролировать их, но ситуация всегда поворачивалась в пользу русских. Французы нуждались в них, а они во французах – нет. Их банда будет и дальше позволять иностранцам устанавливать свои законы на территориях, которые не принадлежат ни ей, ни им, а надутые торговцы в своих одеяниях с цветочными узорами и начищенных туфлях будут и дальше отходить в сторону, когда на улицах наводят порядок бандиты из банды Белых цветов.

Это был компромисс, но со временем напряжение будет нарастать. В таких местах, как это, и теперь уже было нечем дышать, так что не следует помогать тем, кто душит тебя подушкой.

Рома поправил на плече ремень Вениной сумки. Веня был не очень-то доволен тем, что Рома забрал у него рисовальные принадлежности, но, когда Рома притворился, будто готов отдать ему сумку обратно, его кузен взглянул надохлых букашек, которых Лауренс не захотел оставлять у себя, и на башмак мертвеца – и тотчас подтолкнул ее к Роме, попросив его вернуть все после основательной чистки.

Рома отпер парадную дверь дома и проскользнул внутрь. Когда он дотащился до гостиной, справа хлопнула дверь и появился Дмитрий Воронин. Час от часу не легче – день, не задавшийся с самого начала, испортился еще больше.

– Рома! – закричал Дмитрий. – Где ты пропадал все утро?

Хотя он был всего на несколько лет старше, Дмитрий всегда вел себя так, будто он намного лучше Ромы и может смотреть на него сверху вниз. Когда Рома проходил мимо, он протянул руку и попытался взъерошить его волосы.

Рома отшатнулся. Ему было девятнадцать лет, он был наследником одной из двух самых могущественных империй в Шанхае, но когда в комнату входил Дмитрий, он снова ощущал себя ребенком.

– Да так, ходил кое-куда, – неопределенно ответил Рома.

Если сказать, что он ходил по делам Белых цветов, Дмитрий начнет выпрашивать, по каким делам, и не слезет с него, пока не визнает все. Дмитрий был не так глуп, чтобы открыто оскорблять Рому, но Рома слышал оскорбления в свой адрес всякий раз, когда он толковал о его молодости, всякий раз, когда он хмыкал, пока Рома говорил. Именно из-за Дмитрия Рома не мог быть мягким. Именно из-за Дмитрия Рома, глядя на себя в зеркало, всякий раз делал холодное и жесткое лицо, которое он терпеть не мог.

– Чего ты хочешь? – спросил Рома, налив себе стакан воды.

– Не бери в голову. – Дмитрий вслед за Ромой зашел на кухню, взял ближайший нож и, насадив на него кусок мяса с тарелки, стоящей на столе, начал обкусывать его, ничуть не заботясь о том, кто оставил там эту тарелку или сколько времени она простояла на столе. – Я тоже собирался выйти.

Рома нахмурился, но Дмитрий уже выходил, унося с собой тяжелый запах мускуса и дыма. Оставшись один, Рома сделал долгий выдох и повернулся, чтобы поставить свой стакан в раковину. И только теперь он увидел наблюдающие за ним большие карие глаза на маленьком личике, похожем на лицо эльфа. Он едва не вскрикнул.

– Алиса, – прошипел Рома, открыв дверцы буфета. Как ей удавалось наблюдать за ним все это время так, что он ее не замечал? Как она вообще втиснулась в буфет между специями и сахаром? Но он слишком хорошо знал свою сестру, чтобы расспрашивать ее.

– Осторожнее, – захныкала она, пока Рома вытаскивал ее из буфета. Когда он поставил ее на пол, она показала на свой рукав, который он зажал в кулаке. – Это новая вещь.

Однако ее наряд отнюдь не был новым. Похожий на те рубашки с запахом, которые носили китайские крестьяне при императорах, он был порван из-за того, что Алиса вечно пряталась по всяким тесным углам. А еще она то и дело говорила странные вещи просто затем, чтобы вызвать у людей замешательство, из-за чего окружающие начинали думать, что она то ли слишком юна, то ли не в своем уме.

– Замолчи, – сказал Рома. Он поправил ее воротник, затем застыл, когда его рука коснулась цепочки у нее на шее. Это было украшение их матери, которое она привезла из Москвы. Последний раз он видел его на ее мертвом теле после того, как ее убила Алая банда. Блестящая серебряная цепочка резко выделялась на фоне запекшейся крови, вытекшей из ее перерезанного горла.

Госпожа Монтекова заболела вскоре после рождения Алисы. Рома навещал ее раз в месяц, когда отец возил его в тайное безопасное убежище, где ее скрывали, неприметный дом в укромном уголке Шанхая. Она была худой и землисто-бледной, но разум ее оставался ясным, и она всегда улыбалась, когда Рома подходил к ее кровати.

Поскольку это убежище считалось безопасным, у госпожи Монтековой не было охраны. Но четыре года назад Алая банда все-таки отыскала ее и перерезала ей горло в отместку за нападение, произошедшее несколькими днями раньше, оставив в ее руках увядшую красную розу. Когда они хоронили ее, из ее ладоней все еще торчали застрявшие в них шипы.

Роме следовало бы возненавидеть Алую банду еще задолго до того, как они убили его мать, а после этого возненавидеть их еще больше. Но он не питал к ним ненависти. Ведь суть кровной вражды – это око за око, зуб за зуб. Если бы он не устроил нападение первым, они бы не отплатили Монтековым, убив его мать. В такой вражде вина лежит на обеих сторонах. Если ему и следует кого-то винить в гибели своей матери, то себя самого.

Алиса помахала рукой перед его лицом.

– Я вижу перед собой глаза, но не вижу мозгов.

Рома тотчас вернулся в реальность. И одним пальцем приподнял подбородок сестры.

– Откуда это у тебя? – мягко спросил он.

– Я нашла его на чердаке, – ответила Алиса. Ее глаза загорелись. – Красивый кулон, правда?

Когда погибла их мать, ей было всего восемь лет. Ей не рассказали об убийстве, и она думала, что ее мать сгубила болезнь, от которой та страдала давно.

– Да, очень красивый, – ответил Рома, и голос его звучал хрипло. Он поднял глаза, услышав шаги на втором этаже. Их отец был в своем кабинете. – Ну, беги, Я тебя позову, когда придет время ужина.

Алиса, тряхнув головой с растрепанными светлыми волосами, выбежала из кухни и побежала к лестнице. Услышав, как на четвертом этаже закрылась дверь ее спальни, Рома тоже начал подниматься, направляясь в кабинет их отца. И, помотав головой, чтобы привести мысли в порядок, постучал в дверь.

– Входи.

Рома сделал глубокий вдох и открыл дверь.

– Ну? – вместо приветствия сказал господин Монтеков, не поднимая глаз. Его внимание было приковано к письму, которое он держал в руке и быстро читал, затем он отложил листок в сторону и взял следующее из груды корреспонденции на столе. – Надеюсь, ты что-то нашел.

Рома осторожно зашел и поставил сумку на пол. Потом наклонился, секунду помешкал и, достав башмак, положил его на стол. Затем затаил дыхание, сжав руки за спиной. Господин Монтеков уставился на башмак с таким видом, будто Рома взгромоздил на его стол бешеного пса. У него часто бывало такое выражение лица, когда он смотрел на своего сына.

– Что это?

– Я нашел этот башмак на месте гибели первых семерых человек, – объяснил Рома, – но он принадлежал тому, который умер в кабаре Алых. Думаю, он присутствовал на месте первого преступления, а если так, то речь идет о заразе...

Господин Монтеков с силой хлопнул ладонями по столу. Рома вздрогнул всем телом, но заставил себя не закрывать глаз и продолжил смотреть перед собой.

– Зараза! Помешательство! Чудовища! Что случилось с этим городом? – взревел господин Монтеков. – Я прошу тебя найти ответы, а ты приносишь мне вот это?

– Я нашел именно то, что ты просил, – чуть слышно ответил Рома. В последние четыре года он всегда исполнял то, чего от него требовали, будь то какое-то мелкое поручение или нечто неприятное. Откажись он, ему пришлось бы расхлебывать последствия, и, хотя ему не хотелось быть Белым цветком, мысль о том, что он перестанет быть им, была еще более невыносима. Его звание наследника банды Белых цветов обеспечивало ему безопасность, держало тех, кто ему угрожал, на расстоянии, позволяло ему оберегать Алису и его друзей.

– Убери это, – приказал господин Монтеков, взмахом руки показав на башмак.

Рома плотно сжал губы, но убрал башмак и, сунув его обратно в сумку, встряхнул ее, чтобы материя скрыла его целиком.

– Факты неоспоримы, папа. Восемь человек сходятся в шанхайском порту, и семеро из них разрывают себе горло, а одному удается спастись. И, если на следующий день этот последний также разрывает себе горло, то не кажется ли тебе, что речь идет о какой-то заразной болезни?

Господин Монтеков не отвечал. Вместо этого он повернулся и уставился в маленькое окошко, выходящее в людный переулок. Его руки сжали подлокотники большого кресла, на бритом черепе выступил едва заметный пот. Казалось, он позабыл о грудке писем на своем столе. Роме были знакомы имена, которыми по-китайски были подписаны многие из них: Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Чжан Гутао. Коммунисты.

После большевистской революции в России та же приливная волна дошла и сюда, в Шанхай. Новые политические течения, возникшие в Китае несколько лет назад, настойчиво пытались привлечь на свою сторону и Белые цветы, полностью игнорируя тот факт, что они совсем не желали перераспределять богатства. Разумеется: ведь Монтековы так долго копили эти самые богатства, карабкаясь вверх. А большинство рядовых членов их банды оказались в Шанхае, потому что бежали от большевиков.

Даже если коммунисты видели в Белых цветах потенциальных союзников, Белые цветы смотрели на них как на своих врагов.

Наконец, гадливо крякнув, господин Монтеков отвернулся от окна.

– Я не хочу вовлекаться в эту историю с помешательством, – решил он. – Теперь твоя задача состоит в том, чтобы выяснить, что происходит.

Рома кивнул. Почему голос его отца звучит так сдавленно? Может, он считает, что заниматься этой историей о массовом помешательстве ниже его достоинства? Или дело в том, что он боится, как бы такое не приключилось и с ним? Сам Рома не боялся. Он опасался только влияния и власти других людей. Чудовища были сильны, но у них не было влияния и власти. А это серьезное отличие.

– Я выясню все, что смогу, об этом малом, – сказал он, имея в виду последнюю жертву.

Господин Монтеков немного отодвинул свое кресло назад и закинул ноги на стол.

– Поспешишь – людей насмешишь, Рома. Сначала ты должен удостовериться, что этот башмак и вправду принадлежит тому Алому, который умер сегодня ночью.

Рома нахмурил лоб.

– Его тело находится в больнице Алых. Они пристрелят меня, если я там появлюсь.

– Придумай что-нибудь. Когда я приказал тебе добыть сведения об Алых, ты, похоже, проник в их логово без проблем.

Рома напрягся. Его отец послал его на территорию Алых только потому, что встреча глав их банд была невыносима. Если бы господин Цай и его отец встретились лично и мирно разошлись, для каждого из них это означало бы потерю лица. А Рома мог обратиться к Алым, не нанеся урона чести Белых цветов. Он был всего лишь наследником, отправленным к врагу с важной миссией.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил он. – Если у меня была причина зайти в их кабаре, это вовсе не значит, что я могу беспрепятственно шататься по их больнице...

– Найди кого-нибудь, кто проведет тебя туда. До меня дошли слухи, что их наследница вернулась.

Рома ощутил стеснение в груди.

– Папа, не смей меня.

Господин Монтеков небрежно пожал плечами, но в глазах его мелькнуло что-то такое, что совсем не понравилось Роме.

– Это не такая уж абсурдная мысль, – сказал его отец. – Наверняка ты можешь попросить ее об одном одолжении. Ведь некогда она, как-никак, была твоей зазновой.

Глава семь

Прошло всего несколько дней, но по городу уже начали ходить слухи. Поначалу они были смутными: толковали, что за массовым помешательством стоят не враги, что оно вызвано не какими-то естественными причинами, а самим дьяволом, который стучит в двери поздними ночами и одним своим взглядом сводит человека с ума. Затем пошли толки о появлении какого-то странного существа. Домохозяйки, развешивающие постиранную одежду у реки, утверждали, что видели щупальца, которые оно поспешно спрятало в воду, когда они пришли в сумерках на берег, чтобы снять ее. Несколько трудяг из тех, кто работал на Алых, рассказывали, что, явившись на свои ночные смены, они в ужасе бежали, услышав рычание и заметив в другом конце переулкa какие-то жуткие серебряные глаза. Но самым страшным был рассказ владельца одного из прибрежных борделей, который уверял всех, что видел какую-то тварь, лежавшую, свернувшись, среди мешков с отбросами рядом с его заведением, когда он утром закрывал его. По его словам, эта тварь тяжело дышала, как будто ей было больно или как будто она силилась что-то сделать, и это совершенно точно был какой-то невиданный зверь.

– Его хребет усеян множеством клинков, – услышала Джульетта шепот какого-то маленького мальчика, вместе со своей матерью стоящего перед ней в очереди к окошку закусочной, торгующей навынос. Ребенок, ерзая от нетерпения, передавал своей родительнице то, что услышал от кого-то из соседских детей. По мере того как увеличивалось количество смертей – а после того малого в кабаре их было немало, – множились и догадки, как будто, толкуя о том, что это может быть, люди могли найти истину. Но чем больше они болтали, тем дальше оказывалась истина.

Джульетта отмахнулась бы от всех этих историй, сочтя их пустыми сплетнями, но овладевший простыми шанхайцами страх был реален, и она рассудила, что вряд ли он разросся бы до таких масштабов, если бы за всеми этими спекуляциями не стояли какие-то факты. Но что же происходит? Ведь чудовищ

не существует, что бы ни говорили китайские сказки, которые когда-то считались непреложной истиной. Сейчас новый век, век прогресса, век науки. Значит, это так называемое чудовище было кем-то создано – но кем?

– Замолчи, – сказала мать мальчика, пальцами левой руки нервно перебирая четки, висящие на запястье правой. Это были буддистские четки, используемые при чтении мантр, но какую бы мантру ни читала сейчас эта женщина, она не могла умерить воодушевление ребенка.

– Говорят, что когти у него размером с человеческое предплечье, – продолжал мальчик. – По ночам оно охотится на бандитов и нападает, как только почует гнилой дух их крови.

– От этого умирают не только бандиты, qin'?'i de, – тихо сказала мать и сжала его затылок, чтобы держать его рядом в медленно движущейся очереди.

Голос мальчика задрожал.

– Мама, а я не умру?

– Что? Конечно, нет. Не говори глупостей. – Подошла ее очередь и она, глядя в окошко закуской, сказала: – Две.

Хозяин закуской протянул ей через окошко бумажный пакет, и она вместе с сыном поспешила прочь. Джульетта посмотрела им вслед, думая о том страхе, который вдруг прозвучал в голосе мальчика. Хотя ему было не больше пяти лет, он тоже боялся умереть, ибо никто не застрахован от безумия.

– Вам за счет заведения, барышня.

Джульетта подняла глаза и увидела протянутый ей через окошко бумажный пакет.

– Только лучшее для принцессы Шанхая, – сказал старик, владеющий закуской, поставив локти на прилавок.

Джульетта постаралась улыбнуться самой ослепительной из своих улыбок.

– Благодарю вас, – сказала она, беря пакет. Эти два слова дадут хозяину закуской повод для хвастовства, когда завтра он встретится со своими приятелями, чтобы поиграть в маджонг.

Джульетта повернулась, отошла от очереди, сунула руку в пакет и, оторвав кусочек булочки, положила его в рот. Улыбка сползла с ее лица. Час был уже поздний, и скоро надо будет вернуться домой, где ее уже ждут, но она все равно мешкала среди магазинчиков в людном районе Чэнхуанмяо – одинокая, медленно бредущая девушка в здешней суеде. Ей редко выпадала возможность побродить в подобном месте, но сегодня был как раз такой случай. Господин Цай отправил ее, чтобы получить отчет от оптовой базы, с которой они сбывали опиум, что оказалось совсем не так интересно, как она ожидала. Там просто плохо пахло, а когда она наконец разыскала владельца базы и он принес ей бумаги, затребованные ее отцом, вид у него был полусонный. Он даже не поздоровался с ней и не стал проверять, имеет ли она право требовать такие конфиденциальные сведения о поставках. Непонятно, как такому типу вообще могли поручить управлять пятью десятками рабочих.

– Извините, извините, – бормотала она, проталкиваясь сквозь особенно плотную толпу, собравшуюся у мастерской, где рисовали карандашные портреты. Хотя розовое небо уже начинало темнеть, в Чэнхуанмяо все еще было полно народу – тут гуляли влюбленные парочки, дедушки и бабушки покупали шанхайские паровые булочки сяо лунь бао для своих внучат, бродили любопытствующие иностранцы. Вообще-то само название «Чэнхуанмяо» относилось к здешнему храму, но для жителей Шанхая оно обозначало также все расположенные окрест людные рынки и крытые аркады. Почти век назад штаб британской армии обосновался в здешних садах Юй Юань, мимо которых сейчас проходила Джульетта. С тех пор, хотя военные и покинули эти места, их полюбили иностранцы, и теперь тут то и дело мелькали их лица, выражающие удивление и беззаботность.

– Это конец, конец! Покупайте лекарство, покупайте лекарство! Единственное лекарство!

А порой тут хватало и своих собственных, доморощенных чудаков.

Джульетта поморщилась и пригнула голову, чтобы посмотреть на старика, вопящего во все горло на мосту Цзююй. Хотя она и старалась не привлекать к

себе внимания, при виде нее старик встрепенулся и бросился ей навстречу по идущему зигзагом мосту. При этом он сильно топал, что не могло не вызывать опасений относительно надежности этого сооружения, поскольку оно было очень старым. Он остановился прямо перед ней, прежде чем она успела отойти достаточно далеко.

– Спасение! – визгливо прокричал он и так поморщился, что глаза скрылись в складках кожи. Его спина была скрючена, однако двигался он быстро, точно грызун, снующий по улицам в поисках еды. – Ты должна нести граду весть о спасении! Его подарит нам la-gespu!

Джульетта заморгала, недоуменно подняв брови. Она знала, что ей не следует разговаривать с крикливыми мужчинами на улицах, и действительно, в этом старике было нечто такое, отчего по затылку забегали мурашки. Несмотря на его деревенский говор, ей удалось понять почти все слова – кроме тарабарщины, прозвучавшей в самом конце.

La-gespu? Что он имеет в виду? Может, это «s» всего лишь шепелявость, свойственная старшему поколению?

– La ge bo? – попыталась угадать Джульетта. – Спасение нам принесет жаба?

Старик явно был крайне обескуражен. Он замотал головой, так что его редкие растрепанные волосенки заколыхались, тощая коса заходила ходуном. Он был одним из тех немногих людей, которые по-прежнему одевались так, будто имперская эра продолжалась.

– В детстве я слышала от моей матушки одну мудрую поговорку, – сказала Джульетта, на сей раз уже забавляясь. – La ge bo xiang qie ti u n?.

Старик молча смотрел на нее. Может, он не понимает ее шанхайский? Находясь за границей, она все время боялась, как бы не утратить свой выговор, боялась забыть, как произносить звуки, делающие шанхайский диалект не похожим ни на один другой.

– Что, вам не нравится эта шутка? – спросила Джульетта. И повторила на другом, более распространенном диалекте, на сей раз неуверенно – L?i hama xia?ng chi tiane r?u.

Да? Да ладно, я заслуживаю хотя бы небольшого смешка.

Старик топнул ногой, трясась. Похоже, ему хотелось, чтобы она восприняла его всерьез. Может, для своей шутки Джульетта выбрала не ту поговорку? Безобразная жаба хочет полакомиться мясом лебедки. Может, этот старик не был воспитан на сказке о Принце-лягушонке и его безобразном сводном брате-жабе? Может, ему не понравилось, что в ее шутке содержался намек на то, что его якобы несущее спасение La-gespu она сравнила с вошедшим в поговорку коварным безобразным существом, которое вождедело лебедку, возлюбленную его брата, Принца-лягушонка.

- La-gespu - это человек, - проблеял старик. - Великий человек. Он дал мне лекарство. Укол! Я должен был умереть после того, как на меня упал мой сосед, раздиравший себе горло. О! Сколько крови! Она попала мне в глаза, текла по груди! Но я не умер. Я был спасен. La-gespu спас меня.

Джульетта отступила на несколько шагов, что ей следовало сделать еще пять минут назад, до того, как начался этот разговор.

- Это было интересно, - сказала она, - но мне надо идти.

Не дожидаясь, когда старик попытается схватить ее, она обошла его и поспешила прочь.

- Спасение! - завопил он ей вслед. - Теперь только La-gespu может принести спасение!

Джульетта резко повернула и продолжила идти. Теперь, в менее людном месте, она сделала долгий выдох и стала петлять между магазинчиками, то и дело оглядываясь, чтобы удостовериться, что старик не следует за ней. Убедившись, что его не видно, она тяжело вздохнула, поняв, что ей пора покинуть Чэнхуанмяо. Наконец, оставив позади скопление жмущихся друг к другу лавок и магазинов, она снова вышла на улицы города. Она могла бы остановить рикшу или потребовать, чтобы кто-то из Алых, слоняющихся перед дверями многочисленных кабаре, добыл ей автомобиль. Любая другая девушка ее возраста так бы и поступила, особенно с таким дорогим кулоном на шее. Похищения были прибыльным бизнесом. Торговля людьми процветала, и

благодаря преступности экономика города шла в гору.

Но Джульетта продолжала идти дальше. Она шла мимо больших групп мужчин, многие из которых сидели на корточках перед дверями борделей, похотливо ухмыляясь. Шла мимо бандитов, развлекающихся, кидая ножи возле казино, которые их наняли охранять, мимо всяких темных личностей, чистящих свои пистолеты и жующих зубочистки. Джульетта шла, не останавливаясь, не замедляя шаг. Небо становилось все краснее, а ее глаза горели все ярче. Куда бы она ни шла, как бы глубоко ни уходила в темное чрево Шанхая, пока она оставалась в границах территории, все козыри были у нее.

Джульетта остановилась и покрутила лодыжкой – из-за жмушей туфли у нее затекла ступня. Пятеро бандитов из Алой банды, ошивающихся возле ближайшего ресторана, замерли, ожидая, не подзовет ли она их к себе. Это были жестокие убийцы и вымогатели, но, по слухам, Джульетта Цай была девушкой, которая задушила своего любовника-американца с помощью жемчужного колье, которая на второй день после своего возвращения в Шанхай вмешалась в драку между четырьмя Белыми цветами и двумя Алыми и убила всех четырех членов банды-соперника, потратив на этого всего три пули.

Только один из этих слухов был правдив.

Джульетта улыбнулась и помахала Алым. Один из них помахал в ответ, а остальные четверо нервно засмеялись. Они боялись гнева господина Цая, который мог обрушиться на них, если с ней что-то произойдет, но еще больше они боялись проверить, насколько правдивы слухи о ней.

Ее охраняла ее репутация. Без этой репутации она была бы ничем. Поэтому, когда в темном переулке кто-то остановил ее, приставив к ее пояснице нечто, похожее на пистолет, она сразу поняла, что это не Алым.

Джульетта застыла и мгновенно перебрала в уме все возможные варианты: обиженный торговец, жаждущий отомстить, алчный иностранец, желающий получить выкуп, уличный наркоман, не узнавший ее по блестящим бусинкам, нашитым на ее заграничное платье.

И тут знакомый голос сказал – притом по-английски:

– Не зови на помощь. Продолжай идти вперед, следуй моим указаниям, и я не стану стрелять.

Лед в ее жилах тут же растаял, и его сменил гневный огонь. Видимо, он дождался, когда она пойдет в безлюдный район, когда вокруг не будет никого, кто мог бы ей помочь, воображая, что она слишком испугается, чтобы отреагировать. Неужели он в самом деле думает, что это сработает?

– Теперь ты и правда совсем не знаешь меня, – тихо сказала Джульетта. А может, Роман Монтеков полагает, что он знает ее слишком хорошо. Может, он считает себя экспертом, не веря слухам, которые она сама распускает о себе, не веря, что она и впрямь стала той убийцей, которой ее считают.

Впервые она убила человека, когда ей было четырнадцать лет. Тогда она знала Рому всего лишь месяц, но она уже дала себе слово, что не станет участвовать в кровной вражде, что она будет другой. Затем, как-то вечером, когда они ехали в ресторан, их автомобиль был атакован Белыми цветами. Ее мать крикнула ей, чтобы они с Тайлером спрятались за автомобилем и стреляли, только если это будет необходимо. Вскоре бой почти завершился – Алые застрелили большинство Белых цветов. Затем последний Белый цветок бросился в сторону Джульетты и Тайлера. В его глазах горела отчаянная ярость, и в тот момент, хотя стрелять, несомненно, было необходимо, Джульетта застыла. Выстрелил Тайлер. Его пуля попала Белому цветку в живот, и тот упал. Джульетта в ужасе посмотрела в сторону, туда, откуда за ними наблюдали ее родители.

На их лицах она тогда увидела не облегчение – а растерянность. Они не могли понять, почему она не выстрелила. Почему Тайлер проявил себя лучше нее. И тогда она подняла свой пистолет и выстрелила тоже, добив нападающего.

Неодобрения Джульетта Цай боялась больше, чем пятен на своей душе. Она не рассказала Роме о том убийстве, и это стало одним из тех немногих ее секретов, в которые она не посвятила его. Зря она это сделала, надо было ему рассказать, хотя бы для того, чтобы доказать, что она действительно такая злодейка, какой ее всегда считал Шанхай.

– Иди вперед, – приказал он.

Джульетта продолжала стоять неподвижно. Как она и хотела, он истолковал ее бездействие как страх и, секунду поколебавшись, чуть-чуть ослабил давление пистолета, прижатого к ее спине.

Она тут же развернулась, в мгновение ока правой рукой с силой вывернула его правое запястье, а левой выбила у него пистолет. Затем, заведя ступню за его лодыжки, дернула, он упал навзничь, и она одной рукой вцепилась ему в кадык, а другой выхватила из кармана своего платья узкий, как шило, выкидной нож.

– Ну вот, – тяжело дыша, сказала она. Она стояла на коленях, прижав острие ножа к его горлу. – Давай попробуем еще раз, теперь уже как цивилизованные люди.

Пульс на его шее неистово бился под ее пальцами, он пытался отодвинуться от ее клинка. Зрачки его глядящих на нее глаз расширились, приспособиваясь к сумеркам, окутывающим переулок фиолетовой мглой. Дыхание у обоих стало частым, поверхностным.

– Как цивилизованные люди? – хрипло повторил он. – Ты же держишь нож у моего горла.

– А ты только что прижимал к моей спине пистолет.

– Я же на твоей территории – так что у меня просто не было выбора.

Джульетта нахмурилась, затем надавила на нож, пока на его коже не показалась капелька крови.

– Все, все, перестань. – Он поморщился. – Я все понял.

Одно небольшое движение руки – и она перережет ему горло. Может, попробовать? Все между ними будило в ней слишком знакомое чувство, слишком острое ощущение близости. И ее подмывало избавиться от этого чувства, отсечь его от себя, как злокачественную опухоль.

У него был все тот же запах – от него пахло мятой и словно веяло легким ветерком. Теперь, когда он находился так близко, – изменилось все, и в то же

время не изменилось ничего.

- Продолжай, - сказала она, наморщив нос. - Объяснись.

Он с досадой моргнул, пытаясь сохранять невозмутимый вид, но Джульетта почувствовала, как бешено бьется его пульс под ее пальцами, касающимися его горла. Она чувствовала его страх.

- Мне нужно кое-что узнать, - выдавил он из себя.

- Ну надо же.

Он поднял брови.

- Если ты отпустишь меня, я все объясню.

- Я предпочитаю, чтобы ты объяснился прямо сейчас.

- О, Джульетта.

Щелк.

Щелчок пистолетного предохранителя. Джульетта удивленно скосила глаза влево, где лежал пистолет, который она выбила из его руки. Затем она снова перевела взгляд на Рому и обнаружила, что его красивые губы изогнуты в насмешливой улыбке.

- Что? - спросил он, и его голос прозвучал почти задорно. - Ты думала, что у меня только один пистолет?

Ее талии коснулся холодный металл, его холод проник сквозь материю ее платья, дуло вжалось в ее кожу. Неохотно, медленно Джульетта убрала нож с горла Ромы и, так же медленно встав, отошла на два шага от его пистолета.

Они одновременно убрали оружие.

– Тот малый, который минувшей ночью умер в вашем кабаре, – начал он. – Ты помнишь, что на нем были разные башмаки?

Джульетта прикусила щеки изнутри, потом кивнула.

– Я нашел башмак, похожий на один из тех, что были на нем, в реке Хуанпу рядом с тем местом, где погибли остальные семь человек в ночь праздника Середины осени. Думаю, тогда он смог сбежать. Но он унес это помешательство с собой, и оно настигло его сутки спустя в вашем кабаре.

– Этого не может быть, – тут же возразила Джульетта. – Наука не...

– Это нельзя объяснить с помощью науки.

Почувствовав возмущение, Джульетта подняла плечи и сжала кулаки. Может, сказать ему, что он параноик? Но она знала, насколько добросовестно он относится к важным делам. Если он считает, что такое возможно, скорее всего, так оно и есть.

– Что ты имеешь в виду?

Он сложил руки на груди.

– То, что мне нужно убедиться, что башмаки и впрямь одинаковые. Нужно взглянуть на этот труп. И, если они окажутся одинаковыми, то это помешательство – оно может быть заразным.

Не может быть! Тот малый погиб в ее кабаре, его кровь брызгала на ее Алых, его слюна летела на ее людей. Если это и впрямь душевный недуг – заразный душевный недуг, – то Алой банде несдобровать.

– Это могла быть договоренность о групповом самоубийстве, – сказала она, не веря собственным словам. – Возможно, сначала тот малый струсил, а потом все же решил убить себя. – Но она видела его глаза, когда он умирал. И в них был только ужас.

Боже. Если это заразная болезнь, то не подхватила ли ее и она сама?

– Ты, как и я, чувствуешь, что здесь что-то не так, – продолжал Рома. – К тому времени как начнется официальное расследование, от этого помешательства погибнут еще больше ни в чем не повинных людей. Мне надо выяснить, распространяется ли оно.

Он молча смотрел на нее. Она ощутила холод в груди.

– Как будто тебе не все равно, – сказала она, не моргая, поскольку боялась, как бы на глазах ее не выступили слезы. – Можно подумать, тебе есть дело до того, что гибнут ни в чем не повинные люди.

У Ромы напряглись желваки.

– Ладно, – резко бросил он. – Я говорю о моих людях.

Джувьетта отвела взгляд. Прошли две долгих секунды. Затем она развернулась и пошла прочь.

– Поторопись, – крикнула она. Она поможет ему только в этот раз и больше никогда. И только потому, что ей тоже нужно узнать то, что хочет выяснить он. – Морг скоро закроется.

Глава восемь

Они шли в напряженном и словно осязаемом молчании.

Нет, дело было не в том, что оно было напряженным – если честно, то уж лучше так. Дело было в другом – в ужасном ощущении привычности, когда он шел за ней, держась в трех шагах позади, чтобы никто не увидел их вместе. Ей совсем не хотелось испытывать чувство, которое владело ею сейчас – тоску по прошлому, тоску по нему.

Она оглянулась, когда они ступили на длинные кривые улицы Французского квартала. Поскольку в Шанхае было так много иностранцев, желающих

отхватить кусок китайской земли, Французский квартал отражал их жадность, отражал те схватки, которые они вели между собой. Дома в каждом секторе замыкались сами на себя – и казались почти круглыми в стремлении защитить собственное нутро.

Улицы здесь были такими же оживленными, как и в китайских частях города, но порядка на них было больше. Мужские парикмахеры тоже стригли клиентов на тротуарах, но каждые несколько секунд ногами смахивали остриженные пряди в сточные канавы. Разносчики ходили и здесь, но они держались в рамках приличий и, расхваливая свой товар, не орали во все горло, как в западных районах Шанхая. И дело тут было не только в поведении людей – здания во Французском квартале казались чуть аккуратнее, вода чуть чище, а пение птиц чуть громче.

Возможно, эти птицы чувствовали присутствие здесь Романа Монтекова и насторожились. Он тоже явно был насторожен, разглядывая окрестные дома. Тяжело было видеть его таким – любопытствующим, неосведомленным.

– Смотри не споткнись, – сказал он.

Джульетта сердито посмотрела на него, хотя его взгляд был по-прежнему устремлен на дома, затем заставила себя снова перевести глаза на тротуар. Ей следовало было понять, что любое проявление неведения с его стороны – это всего лишь притворство. Когда-то она знала его лучше, чем саму себя, могла угадать любой его шаг... Кроме того раза, когда это было действительно важно.

Роман и Джульетта познакомились как-то вечером четыре года назад как раз перед тем, как Шанхай вдруг стал другим.

Шел 1922 год, и ничто уже не казалось невозможным. По небу летали самолеты. Мир приходил в себя после Великой войны. Человечество, казалось, все дальше и дальше уходило от ненависти и злобы, породивших войну, и вокруг медленно расцветала надежда. Даже кровная вражда в Шанхае замерла, сменившись негласным перемирием, так что вместо того, чтобы сцепиться, гангстер из числа Алых и Белый цветок вполне могли холодно кивнуть друг другу, встретившись на улице, и пойти дальше.

Эта атмосфера надежды и встретила Джульетту, когда она сошла с парохода на берег, нетвердо держась на ногах после месяца, проведенного в океане. На дворе стояла середина октября, воздух был теплым, но уже подступала осенняя прохлада, и грузчики весело перекрикивались, сбрасывая тюки и ящики в ожидающие лодки.

Джульетте было пятнадцать лет, и у нее были мечты. Она совершит нечто, что люди запомнят, станет такой, что ее память будут чтить. У нее не было такого чувства, когда она покидала Шанхай в возрасте пяти лет, имея при себе только немного одежды, затейливо устроенную авторучку и фотографию родителей, чтобы не забыть, как они выглядят.

Именно из-за этого чувства она и сошлась с Романом Монтековым. Она вздрогнула, выдохнув в темноту. Ее глаза щипало, она украдкой вытерла со щеки слезу и стиснула зубы.

– Мы уже почти пришли?

– Расслабься. – Она не решилась оглянуться из страха, что он увидит влагу в ее глазах, которая блеснет в тусклом свете уличных фонарей. – Я не пытаюсь завести тебя в ловушку.

Тогда, все эти годы назад, она не знала, кто он, а он знал, кто она – несколько месяцев спустя он признался, что бросил тот в шарик в ее сторону нарочно, чтобы посмотреть, как она отреагирует. Стекланный шарик остановился возле ее туфель – американских туфель, не похожих на топчущие вокруг грубые матерчатые башмаки на толстых подошвах. Она нагнулась, чтобы подобрать его.

– Он мой.

Она подняла голову, думая, что этот голос принадлежит китайцу, но вместо этого увидела перед собой бледное молодое лицо иностранца, с которого на нее смотрели большие обеспокоенные глаза. Он говорил на местном диалекте еще лучше, чем она сама, а ведь ее наставник общался с ней исключительно по-шанхайски, чтобы она не забыла свой родной говор.

Она тогда сжала шарик в кулаке.

– А теперь он стал моим.

Сейчас ей было почти странно вспоминать, как Рома вздрогнул, когда она заговорила по-русски без малейшего акцента. И наморщил лоб.

– Это нечестно. – Он продолжал говорить по-шанхайски.

– Что с возу упало, то пропало. – Джульетта по-прежнему говорила по-русски.

– Хорошо. – Он наконец заговорил на своем родном языке. – Тогда давай сыграем. Если выиграешь ты, то шарик останется у тебя, а если я, то ты мне его отдашь.

Джульетта проиграла и без особой охоты отдала ему шарик. Но Рома затеял эту игру не просто так. И, когда она повернулась, чтобы уйти, взял ее за руку.

– Я бываю здесь каждый день в это время, – сказал он. – Так что мы сможем поиграть в шарики еще не раз.

Джульетта, смеясь, высвободила руку.

– Вот увидишь, – крикнула она ему, оглянувшись, – я выиграю у тебя все.

Только потом она узнала, что этот парнишка не кто иной, как Рома Монтеков, сын ее злейшего врага. Но она все равно возвращалась сюда к нему, мня себя умной, мня себя искушенной. Несколько месяцев они флиртовали и притворялись, и балансировали на грани между дружбой и враждой. Каждый знал, кто его товарищ по играм, но ни она, ни он в этом не признавались, стараясь что-то получить от этой дружбы. Но они вели себя неосторожно, увязая все глубже и не осознавая того.

Катая шарики по неровной земле, они были просто Ромой и Джульеттой, а не Романом Монтековым и Джульеттой Цай, наследниками двух соперничающих банд. Они были веселыми подростками, радующимися тому, что теперь у них есть друг, понимающий желание на время стать кем-то другим.

Они полюбили друг друга. По крайней мере Джульетте казалось, что это так.

Она ахнула, когда он дернул ее за руку, чтобы остановить. Она так задумалась, что чуть не столкнулась с припаркованным рикшей. Рома рывком оттащил ее назад, и она машинально подняла взгляд и посмотрела в его холодные настороженные глаза.

- Пусти, - прошипела она, выдернув руку. - Больница уже рядом. Мы почти пришли.

Она торопливо шла вперед, чувствуя, как горит ее локоть там, где он коснулся ее. Рома шел следом, держась так, что непосвященный счел бы простым совпадением то, что Роман Монтеков и Джульетта Цай идут рядом, а может быть, вообще не узнал бы ни его, ни ее.

Впереди показалось огромное здание больницы. Арсенал-роуд, 17.

- Это здесь, - холодно уронила она.

Это была та самая больница, куда после взрыва привезли тела их слуг.

- Не поднимай головы.

Но вместо этого он нарочно поднял прищуренные глаза и нахмурился, как будто почувствовав что-то по дрожи в ее голосе. Но это, разумеется, было не так - он не мог ничего почувствовать. Она посмотрела на него, стоящего как ни в чем не бывало, и в ней вспыхнула ярость. Надо полагать, он хорошо знает, как глубока была рана от того, что он тогда совершил. Кровная вражда никогда не была такой кровавой, как в те первые месяцы после его нападения. Ей казалось, что, если бы она взялась нюхать письма с иероглифами, кое-как выведенными на толстой белой бумаге, которые ей в Нью-Йорк присылали Розалинда и Кэтлин, ей бы удалось ощутить запах крови, которая тогда текла на улицах Шанхая рекой.

Она воображала, что Рома на ее стороне, считала, что они смогут создать свой собственный, новый мир, свободный от вражды. Но все это была ложь. Белые цветы взорвали флигель для слуг. Попытайся они подорвать большой дом, их бы заметили, а флигель, где жили слуги, никто не охранял.

Столько жизнью Алых оборвалось в один миг. Это стало объявлением войны. И Белые цветы не смогли бы устроить эту атаку без помощи Ромы. Им бы не удалось незаметно проникнуть внутрь, если бы не разведанные, собранные им за много недель, проведенных в обществе Джульетты.

Он предал ее, и она и теперь, четыре года спустя, тяжело переживала его предательство. В ней и сейчас еще пылали вспыхнувшие тогда ненависть и злоба. Но ей не хватало духа вонзить нож в его грудь, чтобы отомстить.

Я слаба, подумала она. Даже той ненависти, которая сжигала ее, было недостаточно, чтобы испепелить все еще не изжитое ею инстинктивное стремление коснуться Ромы, уберечь его от зла. Возможно, со временем у нее появятся силы, чтобы все-таки уничтожить его. И надо просто подождать.

– Не поднимай головы, – повторила она, толкнув двери и входя в вестибюль больницы.

– Здравствуйте, мисс Цай, – поздоровался с ней один из врачей, когда Джульетта подошла к стойке регистрации. – Я могу вам чем-то помочь?

– Да, можете. Вот так. – Одной рукой она сделала жест, словно показывая, что застегивает свой рот, а другой схватила с доски ключ от морга. У врача удивленно округлились глаза, но он молча отвел взгляд. Она шла по больнице, чувствуя в руке холодный металл ключа и стараясь по мере возможности дышать неглубоко, поскольку здесь, кажется, всегда пахло разложением.

Вскоре они стояли перед дверью морга. Джульетта повернулась и посмотрела на Рому, который, как она и сказала ему, шел сюда, не отрывая глаз от своих ботинок. Как он ни тушевался, это у него получалось неуверительно, как ни горбился, у него все равно был гордый вид.

– Сюда? – спросил он. Тон у него был неуверенный, как будто он боялся, что Джульетта ведет его в ловушку.

Она молча вставила ключ в замок, отперла дверь и включила бело-голубой свет. Труп здесь был только один – какой-то усохший, он лежал на металлическом столе, занимающем половину помещения, и был до середины накрыт простыней.

Рома вошел, быстро оглядел тесный морг и подошел к трупу. Но прежде, чем снять с него простыню, заколебался.

- Это крупная больница, и, возможно, не пройдет и часа, как сюда доставят новый труп, - сказала Джульетта. - Так что шевелись, пока тело этого малого не решили перевезти куда-то еще.

Рома оглянулся и увидел, что вся ее поза выражает нетерпение.

- Ты что, куда-то спешишь?

- Да, - без колебаний ответила она. - Так что начинай.

С явной неприязнью Рома сдернул простыню. И удивился - покойник был бос.

Джульетта оттолкнулась от стены.

- Да что же это такое? - Решительно подойдя к столу, она опустилась на корточки, достала с находящейся под ним полки большую коробку с разложенными по пакетам вещами покойного и высыпала ее содержимое на пол. Отбросив в сторону покрытое запекшейся кровью обручальное кольцо и еще более испачканные медальон и парик, Джульетта нашла разные башмаки, в которые он был обут в тот день. Она достала из пакета тот, который был сшит из кожи.

- Этот?

Рома плотно сжал губы.

- Да.

- Значит, мы оба считаем, что он был в ту ночь там, где погибли семеро остальных? - спросила Джульетта.

Рома кивнул.

Вот и все. Они не разговаривали, пока Джульетта проворно складывала все обратно в коробку. Рома был мрачен, его глаза были прикованы к какой-то случайной точке на стене. Надо думать, ему не терпится поскорее убраться отсюда, оказаться как можно дальше от нее и сделать вид, будто ее не существует – во всяком случае, до тех пор, пока через границу между территориями их банд не будет переброшено новое тело жертвы их кровной вражды.

Она поставила коробку обратно на полку и обнаружила, что у нее дрожат руки. Она сжала их в кулаки изо всех сил и, выпрямившись, встретилась взглядом с Ромой.

– После тебя, – сказал он, показав на дверь.

Четыре года. Этого должно было хватить. Прошло столько времени, что он давно уже должен был стать для нее чужаком. Должна была измениться его улыбка, как изменилась улыбка Розалинды, его походка, как изменилась походка Кэтлин. Он должен был стать нахальнее, как Тайлер, или напустить на себя более утомленный вид, как ее мать. Но он смотрел на нее сейчас, и она видела, что он стал только... старше. У него остался тот же взгляд, те же глаза – непроницаемые, когда он не хочет, чтобы она видела, что у него внутри, непоколебимые, если он не хочет давать себе воли.

Рома Монтеков не изменился. Рома, который любил ее. Рома, который предал ее.

Джульетта заставила себя разжать кулаки, от напряжения ее пальцы болели. Чуть заметно кивнув ему, она подошла к двери морга и после того, как они оба вышли, решительно закрыла ее и открыла рот, чтобы попрощаться с ним, холодно и твердо.

Но не успела она что-то сказать, как в больнице началось светопреставление. В дальнем конце коридора появились врачи и медсестры, с криками толкающие перед собой каталки, спеша в вестибюль. Произошла какая-то трагедия, это было ясно, но, когда они выбежали в вестибюль, оказалось, что все еще хуже.

Пол был залит кровью, а в воздухе стоял тяжелый дух.

Повсюду лежали умирающие члены Алой банды, из их шей хлестала кровь, они истошно вопили от боли. Их было двадцать, тридцать, сорок, они либо умирали, либо уже умерли, либо лежали неподвижно, либо все еще пытались пальцами разорвать собственные жилы.

– О Боже, – прошептал Рома. – Началось.

Глава девять

– Когда я заглянул в его комнату, он спал так крепко, что я даже немного испугался – а вдруг он отдал концы? – сказал Маршал, пнув мертвое тело. – Думаю, он притворялся.

Веня закатил глаза и оттолкнул ногу Маршала от мертвеца. – Да ладно. Почему ты не хочешь отдать Роме должное?

– Думаю, он патологический лжец, – ответил Маршал, пожав плечами. – Он просто не хотел идти с нами, чтобы посмотреть на трупы.

Солнце встало только час назад, но на улицах уже было шумно. Из здешнего переулка плеск волн о деревянный настил был едва слышен, все заглушали звуки, доносящиеся из внутренних частей города. Холодные улицы окутывал утренний свет. В небо поднимался дым, идущий из пароводных и фабричных труб, густой, черный и полный сажи.

– Помолчи, – сказал Веня. – Ты отвлекаешь меня от осмотра этих самых трупов. – Он, хмурясь, стоял на коленях над телом, которое Маршал пинком подкатил к стене. Венедикту и Маршалу было поручено заняться чисткой, что включало в себя избавление не только от окровавленных мертвых тел, но и от муниципальных полицейских, так что они откупались от всех представителей закона, которые пытались заняться этими мертвыми бандитами.

– Я отвлекаю тебя? – Маршал опустил на корточки рядом с Веней. – Если так, то ты должен сказать мне спасибо за то, что я разряжаю обстановку.

– Я бы сказал тебе спасибо, если бы ты мне помог, – пробормотал Веня. – Нам надо до полудня опознать всех этих людей, а при нынешних темпах мы успеем только посчитать их. – Он закатил глаза, когда Маршал огляделся по сторонам, и начал считать. – Их шесть, Марш.

– Шесть, – повторил Маршал. – Шесть мертвых тел. Контракты на шестизначные суммы. Шесть лун, вращающихся вокруг планеты. – Маршал обожал звук своего голоса. И, если где-то наступало молчание, он считал, что он делает миру одолжение, заполняя его.

– Не начинай...

Но протест Венедикта остался без внимания.

– Сравню ли с зимней ночью я его? – возгласил Маршал. – Он более могуч и бесподобен: дыхание бури менее мощно...

– Ты видел этого малого на улице всего-то секунды две, – вяло возразил Венедикт. – Прошу тебя, уймись.

– Как плод красавки черны его очи. А на щеке красуется веснушка, подобная... – Маршал замолк и вдруг резко выпрямился. – Подобная вот этому странному пятну на земле.

Венедикт сдвинул брови и тоже встал, вглядываясь в пятнышко на земле.

– Это еще одно насекомое.

Маршал поставил ногу на кирпич, выпирающий из стены.

– О, только не это.

На первый взгляд черное пятнышко на тротуаре могло показаться самым обыкновенным. Но подобно тому, как взгляд художника выхватывает на картине один неудачный мазок, едва глаза Венедикта заметили маленький черный предмет, по спине его забегали мурашки, говорящие о том, что в картину мира закралась ошибка. Здесь не должна была оказаться эта мелкая тварь.

– Оно такое же, как и те, – сказал он, осторожно взяв насекомое двумя пальцами. – Такое же, как те насекомые, которых мы нашли в порту и отнесли в лабораторию.

Подобрав мертвое насекомое и показав его своему непредсказуемому другу, Веня ожидал, что Маршал отпустит какое-нибудь непристойное замечание или придумает песню о хрупкости жизни, однако вместо этого тот нахмурил брови.

– Ты помнишь Царицу? – вдруг спросил он.

Даже на фоне обычных для Маршала нравоучений и занудных историй такая резкая смена темы разговора показалась Вене странной. Однако он не стал это комментировать и просто ответил:

– Конечно.

Их золотистый ретривер околел в прошлом году. Это был странный и печальный день, печальный потому, что умер их мохнатый друг, и странный потому, что эта смерть произошла не от пули.

– Ты помнишь, как она вела себя, когда господин Монтеков только купил ее? – спросил Маршал. – Помнишь, как она бегала по улицам, знакомясь со всеми животными, которые попадались ей на пути, будь то кошка или крыса?

К чему он клонит? Венедикт никогда не понимал манеры разговора таких людей, как Маршал, по его мнению, их речь напоминала змею, заглатывающую собственный хвост.

– Да, само собой, – хмурясь, ответил он. – Она тогда нацепляла столько блох...

Змея наконец выплюнула свой хвост.

– Нож, – сказал Веня. – Дай мне твой нож.

Маршал достал из кармана нож, нажав на кнопку, открыл его и бросил Вене. Тот ловко поймал рукоятку и отхватил у трупа клочок волос у самого скальпа. Затем

они наклонились и уставились на обнажившуюся кожу мертвеца.

Веню едва не вырвало.

– Какая гадость, – сказал Маршал.

На обнажившемся участке бело-серой кожи торчали бугорки размером с ноготь мизинца, внутри которых виднелись мертвые насекомые. Под верхним слоем кожи были четко видны их ножки, усики, грудки.

Сжав зубы и морщась от отвращения, Веня отвел в стороны волосы трупа и кончиком ножа разрезал один из бугорков. В напряженном молчании, прерываемом только гудками едущих по улице автомобилей, стало видно тельце насекомого.

– Давай, вытащи его, – предложил он Маршалу.

Маршал посмотрел на него так, будто он предложил убить и съесть младенца.

– Ты шутишь?

– У меня заняты обе руки, Марш.

– Я тебя ненавижу.

Сделав глубокий вдох, Маршал осторожно, двумя пальцами, вытащил из разреза мертвую букашку.

У нее на брюшке висели кровеносные сосуды, похоже высосанные из мозга мертвеца.

Они заколыхались, когда с реки подул ветер.

– Это ж надо, – сказал Веня. – Кажется, мы только что обнаружили то, что вызывает этот психоз.

Глава десять

Несколько дней спустя Джульетта вышла на тропу войны в поисках зацепок.

– Глядите в оба, – тихо велела она Розалинде и Кэтлин, остановившись перед приземистым зданием опиумной курильни. На другой стороне улицы к двум дверям было приклеено по красной розе – по идее, красная роза служила визитной карточкой Алой банды, а в действительности представляла собой недвусмысленную угрозу. По слухам, Алые стали использовать красные розы только затем, чтобы посмеяться над Белыми цветами, которые приклеивали белый цветок к двери каждого здания, захваченного ими в ходе территориальных разборок. Но Алые начали использовать красные розы так давно, что Джульетта не знала, есть ли в этом объяснении хоть крупица правды. Ясно было одно – красная роза, прикрепленная к твоей двери, являет собой последнее предупреждение: заплати, сдайся, сделай то, чего требует от тебя Алая банда, или последствия не заставят себя ждать.

Под контролем Алых находилась вся улица, но на любой территории что-то могло пойти не так.

– Держитесь рядом со мной, – добавила Джульетта, обращаясь к своим кузинам, и махнула рукой. Как только они вошли в курильню, каждая из трех девушек сразу же нащупали на поясе оружие, скрытое под богатой одеждой. – Возможно, здесь скрываются убийцы.

– Убийцы? – заверещала Кэтлин. – Я думала, что мы пришли сюда, чтобы заставить владельца этой курильни заплатить твоему отцу долг за аренду.

– Так и есть. – Джульетта раздвинула расшитые бисером занавески и зашла в главный зал курильни. – Но, по слухам, здесь также находится место встреч коммунистов.

Они остановились в середине зала, напоминающего старый Китай с его принадлежностями для курения опиума, – трубками и масляными лампами, такими же, как в прошлом веке. Стекло ламп было покрыто плотным налетом и казалось сальным.

– Будьте осторожны, – предупредила Джульетта своих кузин, глядя на распростершихся на полу курильщиков опиума. – Не думаю, что все эти типы и впрямь такие смирные, какими кажутся на первый взгляд.

Несколько веков назад, когда это здание было усадьбой какого-то императорского вельможи или полководца, здешняя обстановка, наверное, была роскошной. Теперь же часть половиц сгнила, а потолок провис. В изножьях кушеток виднелись дыры, которые курильщики протерли ногами, а подлокотники были захватаны грязными руками. Окидывая притон взглядом в поисках хозяина, Джульетта слышала хихиканье, доносящееся из коридоров. В следующую секунду в зал вбежала стайка молодых женщин, одетых в светлые ханьфу разных цветов – надо думать, наряды должны были напомнить клиентам об имперских временах. Но юбки этих ханьфу стояли колом от грязи, а прически женщин растрепались. Хихикали они фальшиво, такими же фальшивыми были и улыбки на их ярко накрашенных губах, а глаза выглядели мутными и пустыми.

Джульетта вздохнула. Большинство подобных заведений в Шанхае предлагали клиентам также и услуги проституток.

– Я могу вам чем-то помочь? – бодро спросил женский голос.

Джульетта обернулась. Мадама, как она называла себя, возлежала на одной из кушеток, положив трубку на живот. Джульетта сморщила нос, глядя, как мадама вглядывается в нее так же пристально, как она сама разглядывает немолодую содержательницу этого притона.

– Надо же, кто пришел, – сказала мадама. – Джульетта Цай. Я не видела вас с тех пор, как вам было четыре года.

Джульетта вскинула бровь.

– Я не знала, что мы с вами встречались.

Мадама поджала блеклые губы.

– Конечно же, вы не можете это помнить. Но для меня вы навсегда останетесь малышкой, бегающей по саду и видящей только деревья и цветы.

– Хм, – сказала Джульетта и небрежно пожала плечами. – Мой отец не рассказывал мне об этой встрече.

Взгляд мадамы остался бесстрастным, но плечи слегка дернулись, что говорило об обиде.

– Одно время я дружила с вашей матушкой, пока... ну, вы наверняка слышали, что десять лет назад кто-то обвинил меня в симпатиях к Белым цветам. Все это, разумеется, было брехней. Вы, конечно же, понимаете, что я ненавижу их так же сильно, как вы сами.

– Я не испытываю ненависти к Белым цветам, – тут же ответила Джульетта. – Я ненавижу тех, кто причиняет зло людям, которых я люблю, а это чаще всего делают Белые цветы. Это не одно и то же.

Мадама шмыгнула носом. Как она ни пыталась подольститься к Джульетте, та всякий раз отталкивала ее. Джульетте нравилось выискивать у других слабые места.

– Да, разумеется, но не говорите этого другим, – пробормотала мадама. Затем, сменив тактику, она сжала запястье Розалинды и проворковала: – О, я вас знаю, вы Розалинда Лан. Как, разумеется, знаю и вашего отца. У него такие чудесные дети. Я так расстроилась, когда он отправил вас во Францию. Вы не поверите, как ваш отец расхваливал преимущества западного образования. – Она перевела взгляд на Кэтлин и замолчала.

Джульетта кашлянула.

– В?ба прислал нас сюда за арендной платой, – пояснила она, надеясь, что это заставит мадаму опять переключить свое внимание на нее. – Вы должны ему...

– А кто вы? – спросила мадама, перебив Джульетту, чтобы обратиться к Кэтлин.

Та прищурилась и натянуто ответила:

– Я Кэтлин.

Мадама наморщила лоб, всем своим видом демонстрируя, что она напрягает память.

– Ах, да, Кэтлин. Как же, помню. – Она щелкнула пальцами. – Вы были такой грубиянкой и вечно показывали мне язык.

– Я была ребенком, так что вы должны простить мне мои тогдашние прегрешения, – сухо сказала Кэтлин.

Мадама показала на лоб Кэтлин.

– У вас такое же родимое пятно, похожее на созвездие Стрельца, – заметила она. – Помнится, я видела его у...

– У кого? – перебила ее Кэтлин.

– Ну... – Мадама была слегка смущена. – В семье Лан было трое детей. У вас был брат.

Джульетта плотно сжала губы, Розалинда сердито зашипела сквозь стиснутые зубы, а Кэтлин бесстрастно уставилась на мадаму и сказала:

– Наш брат умер. Вы наверняка слышали об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод Б. Пастернака.

2

Баба – «папа» по-китайски.

3

Так на Западе называют Первую мировую войну.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gong_hloya/eti-burnye-chuvstva

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)